

В любви нет победителей

Догнать любовь

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Счастливый билет. Романы Н. Мирониной

Наталия Миронина

Догнать любовь

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронина Н.

Догнать любовь / Н. Миронина — «Эксмо»,
2021 — (Счастливый билет. Романы Н. Мирониной)

ISBN 978-5-04-163548-0

Бывает ли любовь с первого взгляда? Возможно ли влюбиться еще в школе и не растерять это чувство годы спустя? Алине Новгородцевой некогда об этом думать: она перспективная спортсменка, нацеленная на победу во всем, включая личные отношения. Бойцовский характер, упорство, выверенная стратегия и счастливый случай – и вот уже торжествующая Новгородцева планирует общее будущее с парнем, который не замечал ее много лет. Вот только люди – это не медали и кубки, которым все равно, кто их завоюет...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163548-0

© Миронина Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталия Миронина

Догнать любовь

© Миронина Н., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Часть первая

Что она хорошо помнила, так это метель. Настоящую, когда не видно неба и земли, а только белые клочки, которые кружат, превращаясь в мягкий платок. Удивительно, но в метель не было ни пронизывающего влажного холода, ни колючего мороза – уютный мягкий воздух и огромные хлопья.

С метелью приходила красота. Снег был отличным декоратором – исчезал хлам во дворах, грязь на дорожках превращалась в белые ткани, на крышах, ставнях, кольях забора и других выпуклостях лежали аппетитные снежные булки.

Алина очень любила метель. В какое бы время ни случались эти снегопады в их северных краях – будь то канун Нового года или середина апреля, – всегда возникало ощущение праздника. А в деревне его не хватало. Короткое лето не баловало красками, хмурую осень делали еще более мрачной темные еловые леса. А зима была белой, чистой и радостной.

Поводов огорчаться прибавилось, когда поселок, где было всего двадцать домов, собрались «отменить». То есть как населенный пункт он переставал существовать. Большинство жителей, словно только и ждали этого, быстро перебрались в город или в ближайшие крупные села. И Алина Новгородцева с матерью и собакой Байкой остались практически одни. Нет, еще в конце улицы жил Юра Шелепихин. Но на того нельзя было ориентироваться – Юра всегда двигался против течения. Вот и теперь, когда большая часть местных уехала, получив солидные подъемные, он оставался в своей избушке.

– Я никуда не поеду. В другую деревню или в село я и не подумаю переезжать. Я в город хочу, но там мне не могут предложить ничего дельного.

Алина Новгородцева ничего не отвечала Юре, а ее мать только ругалась.

– Что ты творишь?! – выговаривала он Шелепихину. – Останешься без денег и жилья!

– Не останусь, я свои права знаю, – отвечал Юра.

Алине все это порядком уже надоело. Сил уже не было жить «на чемоданах», набирать воду из колодца, топить печь.

– Мама, почему у нас так неуютно? Почти везде и газ есть, и вода в доме, и вообще все удобства, а в нашей дыре все так не по-человечески?! – иногда спрашивала она, хотя ответ давным-давно знала. Но мать не сердилась, она с каким-то удовольствием рассказывала дочери одну и ту же историю:

– Так здесь жить долго никто не собирался! Деревня из «временок» выросла. Вот, дорогу проложили, месторождение освоили – и уехали все те, кто сюда вербовался. Они же из больших городов приезжали. Поработать, дело сделать и денег добыть. Здесь же вообще никто никогда не жил на многие километры.

– Ну отчего же мы не уехали? Мы же тоже сюда приехали на время. А застряли на всю жизнь! – возмущалась Алина.

– Так случилось – ты родилась, а меня в школу позвали работать – у нас тут как раз детишки подросли у всех. И школу-четырёхлетку открыли. А потом отец получил повышение здесь. И что?! Надо было все бросать?! Здесь же работа его любимая была!

Алина знала про отца – он начинал простым геодезистом, потом стал начальником управления. Мотался по всей области, Алина с матерью его ждали. И больше всего боялись этой самой метели – теплой, уютной, но очень коварной. Местные жители пересказывали все истории, когда машины заметало, а людей находили замерзшими. Еще Алина помнила разговоры родителей – они тогда обсуждали, как заработают здесь денег, вернутся в город и купят сразу квартиру себе и подрастающей дочери. Действительно, в этих местах платили щедро и честно – знали, что иначе люди здесь не останутся. И сбережения у семьи Новгородцевых увеличивались, и планы становились грандиознее. Вот только никуда они не уехали. Потому что Борис

Иванович срочно вылетел на дальний участок, там у него сильно заболел бок. Он морщился, глотал таблетки, но к врачам не обращался. Когда же его вертолетом доставили в больницу, было поздно.

– Перитонит, – развел руками хирург, – видать, мужик был терпеливым. И неосторожным. Скорее всего боли его мучили давно.

Елена Владимировна убивалась так, что Алина за нее испугалась. Раньше она вообще не видела, чтобы мать плакала. Родители жили дружно, людьми были спокойными, дома не шумели, переживания не афишировали. Уход отца вдруг все перевернул. Оказалось, что без него и смысла во всей этой жизни нет. И ехать никуда не хочется и не нужно. Алина, слушая эти разговоры матери, немного обижалась. Ей было странно, что в своем горе мать забыла про дочь. А ведь у нее скоро десятый класс, экзамены, надо усиленно заниматься, ходить на дополнительные занятия. Для этого всего надо перебраться в город. Тем более деньги есть. Но Елена Владимировна с места не двигалась. Алина всю неделю жила в школе-интернате, на выходные дни приезжала домой. И пыталась повлиять на мать, но та отмалчивалась. Она по-прежнему учила младшие классы, вечерами читала книжки и перебирала фотографии. Алина как-то устроила истерику, накричала на мать, а успокоившись, сказала:

– Мама, ты как хочешь, а я поступать поеду или в Москву, или в Петербург, в «Лесгафта». Знаешь, я же спортсменка, у меня даже есть награды. Это учтут.

– Как знаешь, – ответила Елена Владимировна.

Она не разделяла этого увлечения дочери – лыжи. «Тебе надо много читать, больше музыки слушать... А спорт... Это не профессия», – говорила она. Алина слушала, но продолжала ходить в секцию и ездить на соревнования. Она с малолетства бегала на лыжах – ее научил отец. Он же устраивал с ней шуточные соревнования, заставлял ее спускаться с самых крутых горок, которые образовались на старых месторождениях из отработанной породы. К пятнадцати годам Алине не было равных в округе – она была вынослива, чрезвычайно упорна и имела неплохую технику. На всех местных соревнованиях среди школьников первой была Алина.

Так случилось, что новость о том, что деревню ликвидируют, и приглашение Алине в юниорскую сборную пришли одновременно. И они вывели Елену Владимировну из ее состояния. То ли время горя само собой подошло к концу и его заслонили воспоминания о хорошем прошлом, то ли душа потребовала работы и усилий. Так или иначе, но мать занялась поисками квартиры, при этом во всем советовалась с дочерью.

– Если уезжать из этих мест, то только в Петербург! И поступать тебе лучше там. Вся моя родня жила в Петербурге, и сам бог велел туда вернуться.

Алина радовалась, что мать отошла от горя и они наконец будут жить в нормальных условиях с горячей водой. А с другой стороны, воображая эту новую предстоящую жизнь, она тут же задавалась вопросом: каково это, все время жить в городе? Постоянно находиться в огромном каменном пространстве, без леса в трех шагах, без мелкой ледяной и почти не замерзающей речушки, состоящей из одних ключей, без тишины снежных полей. Все-таки это был ее мир, ее суть. Мать чувствовала это раздвоение.

– Расставаться всегда тяжело. Будь это человек, дом или место. Но что делать – надо поступать в институт. В город перебираться. Человеку нужна цивилизация, – говорила Елена Владимировна.

– Да, конечно. Так и есть, – отвечала Алина, но на душе скребли кошки. Иногда она сама не знала, нужна ли ей цивилизация.

– Знаешь, дочка, я сама не могла уехать отсюда, но надо. У тебя вся жизнь впереди.

Мать очень точно уловила настроение Алины – нужен был простор и возможность выбора, но вместе с тем здесь оставалась часть ее души – детство, счастливое время, когда был жив отец.

– Мы можем купить небольшую квартиру, но, конечно, не в центре, а где-нибудь в историческом уголке, куда тоже любят приходить туристы. Представляешь, ты с соревнований приедешь, тебе отдых нужен, покой. Да и учиться продолжать надо. Также для этого условия необходимы. А Петербург – это прекрасное место для образования. Знаешь, я прямо вижу эту квартиру – удобную, светлую.

– Мама, во-первых, в Петербурге еще надо найти светлые комнаты и ясную погоду, – рассмеялась Алина, – а во-вторых, в отелях тоже удобно. Главное, чтобы новое жилье нам обоим нравилось. Чтобы тебе было хорошо. Сколько лет ты топила эту печку? Носила воду из колодца?

– Тяжело было иногда, но все равно, это такие были времена счастливые!

– Потому что с нами был папа. И вы были молодыми, – улыбнулась Алина.

Предчувствие перемен захватило их. Они часами изучали возможные варианты, смотрели карту города, разговаривали с риелторами. Алина была рядом с матерью, помогала ей во всем, но душу ее грел спорт. Именно он ее спасал в такой сложный для них момент. И Алина почувствовала, как славно преодолевать природу, себя, свой характер, собственные слабости. Куда-то далеко отходили недовольство, обиды, сомнения. На смену им являлись сила и уверенность. Победы в соревнованиях становились полноценной наградой и заставляли верить в себя. Алина была благодарна спорту и предавать его не собиралась.

И вот наступил май, потом июнь. В последних числах Алина приехала из интерната. Елена Владимировна собиралась вылететь в Петербург. Там ее ждали два варианта квартир – одна в районе Технологического института, вторая – на Черной речке. Алина помогла матери сложить чемодан и только вечером объявила:

– Мама, я ведь тоже уезжаю. С тобой. Поступать буду. А потом на сборы. Почти два месяца. Видишь, как получается все здорово – школу я окончила, в Петербурге мы будем вместе – и никого не надо просить. Мы с тобой вдвоем управимся.

– У вас же еще один экзамен?! – удивилась Елена Владимировна.

– Не хотела тебе говорить. Боялась сглазить – я его сдала экстерном. Очень хотелось попасть на сборы и с тобой поехать. Аттестат я получу уже в понедельник.

– И как же сдала последний экзамен? – строго спросила Елена Владимировна.

– На «четыре». У меня в аттестате сплошные четверки. Пятерок нет, но и троек тоже. Почти.

– Почти?

– Физика, – вздохнула Алина.

– А что это за сборы? Куда вы должны поехать? И как это сочетать с поступлением? Тебе же отдохнуть надо после экзаменов.

– На тренировках и отдохну. Сборы будут на нашей базе в Красноярске, а потом, не поверишь – в Альпы поедem. Там будем тренироваться.

– Там же горными лыжами в основном занимаются?

– Там отличная лыжня. Искусственная. Но у нас будет немного отдыха, общая физическая подготовка, бассейн. Одним словом, и полезное, и приятное.

– Вот это да! – порадовалась мать, но тут же спохватилась: – Я, конечно, управлюсь, но все же покупка квартир – такое дело!

– Да, его надо вместе делать. А я еще договорилась, на случай, если нам нужна будет помощь, – мне дала телефон наша завуч. У нее там знакомая, а у той муж когда-то риелтором был. Все ходы и выходы знает. Поможет во всем. Ну это если нам понадобится. Может, нам и не понравится то, что что мы с тобой нашли.

– А как же переезд... Собрать вещи здесь...

– Мама, кстати, ты же сама говорила, что у тебя там тоже знакомые есть? Одним словом, не пропадем. А отсюда мы возьмем только книги, одежду и фотографии. И потом, мам, зачем

отсюда что-то везти. Самое главное – взять с собой Байку. Конечно, городская жизнь ей покажется несладкой, но не оставлять же ее здесь!

– Ты с ума сошла, как ты можешь так говорить! – возмутилась мать. – Байка переезжает вместе с нами. А пока мы будем квартиру смотреть, она поживет у Шелепихина.

– Да, Юра странный, но собаку ему доверять можно! Вот и отлично! Собака. Книги, фотографии и одежда. Все остальное купим на месте. Или ты купишь, – улыбнулась Алина.

– Дочка, ты ошибку не делаешь? Ну, профессию можно же нормальную выбрать?

– Мама, я очень люблю лыжи. И стану профессиональной спортсменкой. Я тебе обещаю.

– А как же институт...

– Мы уже это обсуждали. И чем тебе плох институт физкультуры?!

Елена Владимировна только развела руками.

Алина была бойким ребенком и выросла решительной девушкой. Характер у нее был спортивный – высоту брать не боялась, цели ставила трудные, упрямство проявляла завидное. То ли окружающий ее мир – бескрайние леса, поля и суровый климат – так повлиял на нее, то ли родители сумели воспитать в дочери бойцовские качества. Ее умение справляться с трудностями распространялось на все – училась ли она читать в детстве, падала ли, катаясь на лыжах, готовилась ли к контрольным по физике – предмету нелюбимому. Характер она проявляла и в отношениях со сверстниками. Алина была симпатичной девочкой – немного курносый нос, пухлые щеки с ямочками, остренький подбородок и каштановые волосы средней длины. На взгляд парней она была хорошенькой, даже веснушки ее не портили. Но всегда находился кто-то, кто задевал ее смешным прозвищем или подсмеивался над не очень стройными ногами. «Зато они мне устойчивость на лыжне дают. Они сильные!» – говорила сама себе Алина, упрямо выпячивая острый подбородок в ответ на смешки.

В школе она была одной из тех, в кого не влюбляются мальчики, но с кем им удобно дружить. Алина была легка на подъем и склонна к проказам и авантюрам, запросто могла посоревноваться с мальчишками в спортивных дисциплинах и никогда не кокетничала. Она вела себя ровно и просто, а потому с ней было легко и удобно. В классе, да и во всем интернате, не нашлось мальчика, который бы ей понравился. Примерно до десятого класса Алина по этому поводу даже не расстраивалась, а потом вдруг все стали «тусоваться» – по поводу и без оно, ребята начали собираться кучками в своих комнатах в интернате, в ближайшем кафе, в теплое время – в соседнем сквере. Казалось, всем стало наплевать на предстоящие выпускные и вступительные экзамены, десятиклассники понимали, что очень скоро расстанутся навсегда, и поэтому хотели продлить беззаботность и веселье школьных лет. И тут оказалось, что в старших классах все давно разбилось на пары, только у Новгородцевой ее нет. И еще выяснилось, что все темы, которые так сближали ее с мальчишками, на этих тусовках совершенно не популярны.

Алина помнила, как праздновали «декабрины» – дни рождения тех, кто родился в декабре. Для этого в столовой интерната накрыли сдвинутые столы и наготовили всего вкусного. Еще пригласили местную группу, которая играла модные песни. Алина весь вечер просидела одна. Она с нарочито равнодушным видом иногда оглядывала зал, но, убедившись, что все заняты танцами и друг другом, переводила взгляд на свою тарелку. Там в подтаявшем холодце намокал пирожок. Если бы она была дома, в деревне, она бы ушла с мероприятия минут через пять после официальной части. Но она находилась в интернате и могла только подняться на третий этаж и перейти в спальный корпус. Можно, конечно, было еще выйти на улицу. Но мела метель, и покидать интернат в такие дни школьникам запрещали. Поэтому пришлось делать вид, что у нее хороший аппетит, она просто занята своими делами и мыслями. Хотя Алина еще попытала удачу с Ветошкиным – одноклассником, который пробежал мимо.

– Глеб, слушай, а у тебя задачи по физике решены? – спросила она.

– Какие задачи? – спросил Ветошкин, не отрывая взгляда от танцующих в центре столовой.

– Иди уже, – отмахнулась Алина.

Она знала, что Глеб страшно ревнует Марину Ежову к Сашке Быстрову, поэтому вид Марины, танцующей с Быстрым, занимал его гораздо больше, чем дурацкие задачи по физике. «Господи, какой же идиот! Все равно Маринка с ним не будет, зачем так унижаться...» – зло подумала Алина, хотя Глеба стало жаль. Он был умным, спокойным и добрым. «А Быстров – козел и выскочка! – зло подумала Новгородцева. – Как Глеб не понимает: если Маринка выбрала этого уродя, то она сама такая же». Хотя Алина знала, что все не так, просто Ежова влюбилась в высокого и красивого Быстрова. К тому же Сашка был лучшим лыжником не только в команде интерната, но и в области, побеждал на всех местных соревнованиях и уже успел поучаствовать в общероссийских. Его, как и Алину, взяли в юниорскую сборную области, правда, со словами «это аванс, и надо приложить немало усилий, чтобы результаты росли».

Быстров был хорош собой. Но Алина чувствовала, что за привлекательной внешностью скрывается совсем не симпатичное нутро. Не то чтобы Новгородцева была хорошим психологом, просто она знала, как проявляется человек на соревнованиях. Как бы ты ни гнался за рекордами личными, работаешь ты на команду. А как раз этого Быстров делать не умел. Или не хотел. Алина подозревала, что в дружбе или в каких-то других отношениях этот человек поведет себя так же. Вот почему она презирала и Ежову, которая купилась на «фантик», и Ветошкина, который должен был понять ничтожность Ежовой, коль скоро та увлеклась таким сомнительным Быстрым.

Впрочем, в тот вечер «декабрин», когда все так отчаянно веселились, предвкушая новогодние праздники и каникулы, Алине было грустно. Она вдруг почувствовала, что что-то упустила. Оказалось, что, кроме лыж, школы, подруг и мамы, существует еще что-то – и это очень важно для нее.

Новгородцева на следующий день отпросилась домой. Ей теперь много вопросов не задавали – она была на особом счету в школе, как и Быстров. Классная руководительница сказала Алине:

– Поезжай, можешь уже не возвращаться – осталось три дня, а потом каникулы. Наверное, еще и на соревнования поедешь в середине января?

– Да, скорее всего...

– Вот и побудь с мамой...

Пока Алина добиралась до деревни, она себя уговаривала: «Что я так расстраиваюсь?! Вон как хорошо у нас все складывается – скоро мы с мамой переедем, и этот Быстров, и Ветошкин, и Ежова – все они забудутся... Какого черта я расстраиваюсь?» Но на душе было скверно.

Когда же она высадилась из автобуса и двинулась по улице, ей полегчало. По деревне недавно прошла метель. Та самая, которая все сглаживала, делала красивым, спокойным и очень уютным. И дом их стоял весь белый – и крыша, и ставни, и навес над крыльцом. Алина постояла, посмотрела на все это и вздохнула – то ли с облегчением, то ли с сожалением. Она понимала, что как и школа с одноклассниками, так и этот дом очень скоро останутся в прошлом. Только память и останется.

Елена Владимировна не ждала дочь сегодня, но в доме было нарядно, чисто, пахло мастикой, которой они натирали деревянные полы.

– Мам, что это за парадность такая?! – прокричала Алина, войдя в дом.

Елена Владимировна выглянула из маленькой комнаты.

– Как хорошо, что ты приехала! Отпустили пораньше? Вот это на руку – я потихоньку вещи разбираю. Столько всего накопилось! За всю-то жизнь!

Алина рассмеялась:

– Мама, ты же ничего не выбрасываешь! Я даже свои детские тапочки нашла. Они с дыркой на пальце, а ты их хранишь.

– Поэтому и храню. Маленькая была, ногой все время «загребала». Никто не мог понять, почему так ходишь.

– Но сейчас-то я нормально хожу?

– Так в одно мгновение перестала «загребать». Мы с папой посмотрели, как ты по двору идешь – а ты ровненько так ножки ставишь, словно по ниточке.

– Вот, бегаю на лыжах я точно так же – по ниточке. Даже тренер говорит, как стезок кладу.

– Способности у тебя. Отец еще подметил. Но мое отношение ты знаешь – я бы другую профессию для тебя хотела.

– Мама, вот я покатаюсь немного, съезжу на Олимпийские игры и буду учить детей. Стану тренером. Это отличная работа. Ты же педагог, понимаешь, что эти профессии – тренер и учитель – очень схожи!

– Понимаю, но ты вот врачом бы стать могла...

– Есть спортивные врачи, тоже интересно, – вздохнула Алина, – но я уже не потяну. Надо было раньше думать – учить нужные предметы.

– А я тебе говорила! – оживилась мать.

Елена Владимировна обрадовалась, что можно высказать свою точку зрения и хоть как-то повлиять на дочь, предупредить ее об ошибках.

– Мама...

– Нет, ты же разумная девочка, сама понимаешь, что когда-то совершила ошибку. Не училась как надо. Почему же ты сейчас не слушаешь советов? Упрямо стремишься в этот спорт...

Алина слушала мать и решала, огрызнуться сейчас или потом, позже, когда мать заговорит об отце. Елена Владимировна действительно частенько прибегала к авторитету покойного Бориса Ивановича, что ужасно злило дочь. Алине казалось, что половину назидательных историй мать выдумывает в педагогических целях.

– ...так вот, еще папа предупреждал...

– Мама, отстань! Сколько можно врать про папу?! Ничего такого он не говорил. Даже мне. А уж тебе и подавно. Он со мной всегда как со взрослой разговаривал. И я бы запомнила его слова. Ты все время придумываешь...

Елена Владимировна была хорошим педагогом, на реакцию дочери она обиделась, но во-вторых. А во-первых, она обратила внимание на взвинченность Алины. «Что у нее случилось? – подумала мать. – Проблемы в школе? С тренером? Боится предстоящих соревнований? У нее бывает такая взвинченность накануне выступления». Вслух же она сказала:

– Алина, я рада, что мы решили переехать. Пора, пора...

– Я в интернате, тебе здесь тяжело одной, я понимаю. – Новгородцева вздохнула. – Мама, извини, я не специально. Просто так все странно... Была жизнь, а потом раз – и другая начнется... И еще, будут предлагать варианты, ты не думай долго, соглашайся...

– Конечно, не буду раздумывать. Но за меня не переживай, все-таки Юра Шелепихин рядом. У него собаки, у нас Байка. Хотя да, ночью здесь очень тревожно. Да и новости не самые радостные. Школа совсем закрывается. Мы только дела все оформляем, документацию готовим к расформированию учебного заведения. Вон, все мои коллеги уже живут кто где, на работу добираются по два-три часа. Еще месяц, другой – и школы не будет. Не только тебе поступать в институт предстоит, и мне надо на работу устраиваться.

– Вот именно! – согласилась Алина. – Так что, мама, капризничать не будем.

– Да, – согласилась Елена Владимировна и скрылась на кухне. Она поняла, что дочь отчего-то не в духе. А самый лучший способ разговорить ее – это вкусненькое что-то сделать. И хоть был готов обед, Елена Владимировна затеяла быстрые плюшки с шоколадом.

Алина тем временем пошла «топить душ». У них в ванной стоял огромный титан, воду в котором можно было подогреть, только протопив печь под ним. Обычно Алина это делала с удовольствием, но сегодня уютно стрекочущие поленья и разливающееся тепло не согревали. Наоборот, вдруг опять проступила досада. «Надо уезжать, да поскорее... Здесь хорошо, все родное, но уже невозможно жить без горячей воды и нормального отопления!» – думала Новгородцева.

Алина помнила, как несколько лет подряд все жители деревни писали письма «в инстанции», чтобы им провели центральный газ. Из инстанций отвечали, что населенный пункт всегда был временным – только для рабочих и специалистов, работающих вахтовым методом. Сейчас все карьеры закрыты, оставлять жилым этот населенный пункт экономического смысла не имеет. Еще через пару лет стали разъезжаться жители, а вот в прошлом году всем разослали постановление о том, что деревня ликвидируется.

Новгородцева ворошила дровишки, прислушивалась к гудению титана и думала, что люди должны жить с удобствами. Алина подбросила в печку еще одно полено, отложила в сторону кочергу, впустила околачивающуюся в коридоре собаку Байку, уселась на низкую скамеечку и стала вспоминать вчерашний день: взбудораженного Ветошкина, Быстрова, который как-то неприлично обнимал в танце Марину Ежову, и еще почему-то свою тарелку с холодцом и намокшим пирожком. «Да при чем тут пирожок!» – вздохнула про себя Алина, но в душе все эти картинки связались в одно досадное целое. Новгородцева заставила себя вспомнить тренировки, последние соревнования, на которых победила, но это не помогло...

– Алина, ты там заснула? Прямо у титана?! – окликнула ее мать.

– Нет, я сижу и думаю, что очень вовремя мы решились на переезд. Сил нет топить титан и печку в комнате, носить воду. Пора жить как люди...

Елена Владимировна внимательно посмотрела на дочь:

– У тебя что-то случилось? В школе неприятности?

– Да все нормально у меня, – вздохнула Алина, – только уже что-то надо менять! Мам, мы же не можем навсегда остаться здесь. Тут же, кроме медведей, никого нет.

– Ну, во-первых, мы все с тобой решили, а во-вторых, медведей нет, их распугали, когда карьеры взрывали, – рассмеялась мать, – но ты огорчена чем-то. Расскажешь?

– Ничем не огорчена. Понимаешь, Ветошкин наш такой идиот! Он влюбился в Ежову, а та – в Быстрова. А он же противный, понтов у него больше, чем мозгов.

– Так в чем же дело? Считай, что Ветошкину повезло. Зачем ему эта самая Ежова, если ей нравится Быстров.

– О, я так тоже подумала. – Алина обрадовалась, что мать поняла ее с полуслова.

– А тебе кто нравится? Ветошкин или Быстров? – как бы невзначай спросила Елена Владимировна.

– Мам, ты с ума сошла! – фыркнула Алина. – Мне никто не нравится.

– Алина, ты зря думаешь, что я ничего не вижу, – улыбнулась мать, – тебе этот мальчик давно нравится. Чуть ли не с первого класса.

– Да нет же! С чего ты взяла?! Никогда!

– Алина, я помню, как ты во втором классе с ним подралась. Потом, в пятом, ты все приглашала его потанцевать. Мы же тогда устраивали вам вечера! Ну а в восьмом ты остригла волосы и все ждала его у школы.

Алина покраснела от этих разоблачений. Все было так. Быстров ей нравился все эти годы. И также всегда она думала, что этого никто не замечает.

– Мама, мне не до Быстрова! – со значением сказала Алина. – Когда я окончу школу, мне будет восемнадцать лет. Понимаешь, мне надо попасть в сборную России. А для этого я должна еще «побегать» в юниорской страны. Представляешь, как я сейчас тренироваться должна?!

– Представляю, – вздохнула мать, – понимаю, ты уже сделала свой выбор. Но ты не должна всю свою жизнь под этот спорт подстраивать... надо учиться, читать, слушать музыку... И... есть семья и дети... Любовь есть. Мы с твоим папой любили друг друга.

– Мам! – одернула ее Новгородцева, а когда мать замолчала, спросила: – Слушай, а у меня ноги очень кривые?

– Что? – Елена Владимировна сделала вид, что не поняла вопроса.

– Ну, ноги у меня некрасивые. Они такие устойчивые, сильные... Но...

– Знаешь, главное – устойчивые. Поверь мне, – ответила мать.

Алина все поняла. Она вздохнула, сдернула с крючка полотенце и повесила его на горячую трубу от титана. «Вытрусь теплым», – сказала сама себе.

Потом они обедали, пили чай с шоколадными плюшками и рассматривали фотографии, которые мать вытащила из альбома. Снимков было много – и праздничные, у елки, и в лесу на пашлыках, на реке. Были фотографии отца – подтянутый и серьезный, в белой рубашке, он что-то объяснял рабочим-геодезистам. Алина все это видела сотни раз, но не могла не уступить матери. Та, разглядывая знакомые лица, проживала заново счастливые дни.

– А знаешь, надо как следует елку нарядить, и вообще этот Новый год – последний в нашем доме. Надо его запомнить, – сказала вдруг Елена Владимировна и полезла за елочными игрушками.

Алина проводила ее взглядом. Ей было жалко мать, себя, этот дом и былую счастливую и безоблачную жизнь. В прошлом был отец. А как они справятся с этим переездом, с новой квартирой... Кто его знает... «Но нельзя обижать маму – Новый год мы отметим как полагаются, даже лучше!» – решила она про себя.

Когда Алину взяли в юниорскую сборную области, в школе обрадовались. Во-первых, прибавилось славы, а во-вторых, отпала необходимость придумывать, как замаскировать частичную неуспеваемость будущей известной лыжницы (в том, что Алина станет известной спортсменкой, никто не сомневался). И если раньше тройки с натяжкой вызывали долгие нравоучения в учительской, то теперь педагоги лишь обменивались понимающими взглядами: «Конечно, у девочки такая нагрузка на сборах, а потом еще и соревнования... Можно закрыть глаза на невыученные уроки!» Алина между тем наслаждалась – ее фактически освободили от нелюбимых занятий и дали возможность все время посвящать лыжам.

Новгородцева относилась к категории людей-борцов. Она не любила отступать перед трудностями, а поговорку «...умный гору обойдет» считала правилом слабаков. И в лыжной секции, и потом в спортивной школе-интернате ее ставили в пример всем, кто пасовал при малейших признаках неудачи: «Учитесь у Новгородцевой. Вот вам человек, который считает себя сильнее любых обстоятельств. Поэтому и добивается успехов!»

Результаты у Алины действительно были прекрасные. Похвалы она заслуживала, но никто не задумывался, в чем причина ее упорства и самоотверженности. Знающие семью всегда ссылались на то, что Алину в спорт привел отец, он и был для нее примером. Это объяснение было верным, но лишь отчасти. Стремление держать под контролем то, что нравится, было свойством характера, собственной личности.

А еще Алина Новгородцева была собственницей в самом прямом смысле слова. Она считала, что выбранный спорт – это ее личное дело, то, что принадлежит только ей, а потому она не могла потерпеть неудачу.

Это же относилось и к дружбе. В интернате у Алины была подруга Ира Кузнецова. Дружили они с первого класса, ссорились, мирились, но неизменным оставалось одно: Новгородцева никому не давала обижать Кузнецову – ни придирчивому учителю математики, ни шалопаю из параллельного класса. Все бы ничего, но в ответ Алина требовала такого же отно-

шения, то есть верности. А так случилось, что Ира Кузнецова была легомысленной. Классе в шестом она поссорилась с Алиной, и больше они никогда уже не помирились.

– Знаешь, эта твоя дружба – как старая жвачка. Наступила – не отодрать! – выпалила Ира в ответ на упреки Алины.

«А она дура! – сказала сама себе Новгородцева. – Я же ничего такого не сказала, просто потребовала, чтобы она с Евичкиными не ходила!»

В этой пустячной истории не только отразился нрав Алины, но и замаячила ее судьба.

– Ты к своим лыжам бережнее относишься, чем к людям, – сказала ей тогда мать.

Алина ответила:

– Лыжи меня не предадут. Они – только мои.

Итак, в конце июня они отправились смотреть квартиру. Собака Байка была определена к соседу Шелепихину, ей закупили любимый корм и на всякий случай три килограмма костей. Юре они сказали:

– Собака не должна голодать. Откажется корм есть – свари бульон и мясо от костей отдели и покроши.

Шелепихин заверил, что Байка голодать не будет. Алина посмотрела на собаку, и сердце ее сжалось.

– Ты с нами уедешь и будешь жить в городе. Мы тебя не бросим, – погладила Алина Байку. Та уткнулась ей в ладонь. Новгородцева потянула мать за рукав.

– Мама, пойдем, я не могу так. Байку жалко.

Через два дня они вылетели в Петербург. Вернее, сначала добрались до Красноярска, а потом только сели в самолет, направляющийся в Санкт-Петербург.

Перемены в жизни – вещь неизбежная, полезная, заставляющая не только пересмотреть прошлое, но и с повышенным вниманием отнестись к своим планам на будущее. Только движение объективно, лишь сделав первый шаг, мы понимаем, что в наших планах возможная реальность, а что – фантазия, которая так и останется нереализованной. Так случилось с Алиной.

Когда самолет подлетал к Петербургу, она выглянула в иллюминатор, увидела россыпь озер и переплетения речушек и вдруг отчетливо поняла, что спортивная карьера – это прежде всего удаленность от дома и от матери. «Я шесть лет прожила в интернате, я месяцами пропадаю на сборах, я редко виделась с мамой. Разве я смогу сейчас, когда наша жизнь так меняется, быть далеко? Даже если я поступлю в институт, буду пропадать на сборах и соревнованиях. А я хочу быть дома, рядом с мамой, наладить эту жизнь. Это ведь тоже не так просто – переехать в город и начать все заново». Новгородцева вдруг поняла, что предпринимаемые ими шаги повлекут за собой пересмотр ее собственных планов. Елена Владимировна словно прочитала ее мысли:

– Знаешь, тревожно от перемен. Они и на тебе скажутся. Главное, чтобы твои планы не пострадали. У тебя ведь будущее. Так все говорили и в спортивной школе, и в федерации.

– Откуда ты знаешь, мама?

– Я разговаривала с твоим тренером. Советовалась, стоит ли тебе так упрямо оставаться в спорте.

– И что же тебе сказали? – Алина даже не рассердилась за такой тайный шаг.

– Вот это и сказали – способная, очень.

– Мама, мы не знаем, что ждет нас здесь. – Алина кивнула в сторону иллюминатора. – Как оно пойдет, так и будет.

Самолет покатился по полосе, подпрыгивая на стыках плит. Алина сидела на своем месте, наблюдая, как самые нетерпеливые пассажиры достают свой багаж. Бортпроводники ненадолго

успокоили их, но уже через мгновение все опять засуетились. Вскоре самолет остановился, и к выходу подкатали трап.

Алина с матерью много вещей не брали. Самое необходимое на эту неделю, в которую должен был решиться вопрос с квартирой.

– Поедем на такси, перелет был тяжелым, – сказала Елена Владимировна,

– Да. – Алина глубоко вдохнула жаркий воздух. – И тепло так. А еще говорят, что город северный.

– Тут ветер. Он погоду определяет, – сказала мечтательно Елена Владимировна.

– Ты рада, что приехала сюда?

– Знаешь, я как будто и не уезжала, – вздохнула та.

А Алина подумала, что в их маленькой семье появилось новое действующее лицо – город Петербург, населенный воспоминаниями.

– Мама, мы правильное решение приняли. Мы должны жить здесь.

Пока они выезжали из Пулково и машина кружила по развязкам, Алина сидела, откинувшись назад и прикрыв глаза. Она не увидела пригородов, новостроек и тех безликих районов, которые могли относиться к любому большому городу. Очнулась она только тогда, когда услышала голос матери:

– Если вас не затруднит, давайте проедем через центр. Невский...

– Так это же какой круг! – изумился водитель и добавил: – Я, конечно, не против, мне же лучше, но...

– Поезжайте, я здесь не была очень много лет. А завтра мы уже будем делами заниматься и по городу ходить будет некогда, – улыбнулась Елена Владимировна.

Водитель пожал плечами и развернулся. Алина уже не закрывала глаз. Очень скоро они ехали по улицам с высокими и мрачными домами, мимо подворотен и проулков. Алина много читала про этот город, но никогда здесь не была. И поэтому чужие впечатления, по которым она судила о Петербурге, разбились вдребезги. Вместо них вдруг появилось собственное ощущение пейзажа за окном. Еще Алина присматривалась к толпе – улицы были запружены людьми. Казалось, что это демонстранты вышли и сейчас идут не в ногу.

– Летом здесь всегда так. Туристы. Отовсюду. По Невскому не ходят только ночью, – сказала Елена Владимировна.

– Ну, только если эта ночь – не белая, – включился в разговор водитель.

– Да, конечно. В это время еще больше людей.

– С ума сойти, – задумчиво сказал Алина, – это же совсем другая жизнь.

– Это и город и жизнь другие, – улыбнулась Елена Владимировна.

– Мама, а как же вы с папой могли уехать отсюда?

– Понимаешь, мы поженились, а жили с папиными родителями. Снимать комнату можно было, но здесь это всегда было сложно. А тут отцу предложили работу. Главное, жилье сразу обещали, дом. Представляешь? Дом. Отцу хотелось себя попробовать, он понимал, что сидеть в конторе какой-нибудь – интереса нет никакого. Он жаждал живой работы. Мы собрались в одно мгновение. Ты уже родилась там.

– А если бы я родилась здесь, ты представляешь, сколько возможностей у меня было бы? Елена Владимировна с усмешкой посмотрела на Алину:

– Видишь, какая разница – отец считал, что возможности там. Ты считаешь, что – здесь.

– Речь, мама, идет о старте. У папы он был здесь.

– У него был так себе старт. Мог бы в хулиганах так и ходить. То джинсами фарцевал, то книжки перепродавал, а то на концерте подрался.

– Ого! – рассмеялась Алина. – Такая богатая история у семьи.

– Да, у нас тут много всякого намешано.

К отелю они подъехали не скоро – пробка на Троицком мосту была длинной и почти неподвижной. За то время, пока они ползли, Алина успела рассмотреть самые известные питерские виды – Петропавловскую крепость, мечеть, Ростральные колонны, извернувшись, она увидела Зимний дворец.

– Тебе повезло – в первый же день все сразу увидела! – рассмеялся таксист.

– Точно, повезло. – Алина почувствовала, что может расплакаться.

Ее охватило странное двойственное чувство. С одной стороны, она была потрясена городом и уже мысленно дала себе слово остаться здесь. Ее поразили улицы с домами-дворцами. Ейглянулись их старина, обшарпанность и грандиозность. В них она почувствовала историю, а еще умение жить и смотреть на мир иначе. «Обычный дом можно сделать таким, чтобы в нем было приятно жить», – Алина вспомнила страшненькие пятиэтажки в областном центре – потемневшие фасады, хлипкие рамы, покосившиеся двери подъездов. Она будто снова ощутила запах тех подъездов и поморщилась.

– Мам, я понимаю, что история, войны... Но почему нельзя было архитектуру другую выбрать. Понимаешь, тут даже руины другие.

– Вы не видели здешних коммуналок. Вот где трэш, – опять включился в разговор таксист, – и сделать ничего нельзя. У людей денег на ремонт таких потолков и окон не хватает. Понимаете, они так и будут жить среди старой проводки.

– А городские власти?

– Городские власти?! – со смехом переспросил таксист.

– Проблема глубже, – серьезно ответила Елена Владимировна, – и она не сейчас и не здесь возникла. Вы думаете, что в Венеции везде евроремонт во дворцах? Там подчас живут в одной комнате. Остальное тихо разрушается. Правда, если это памятник старины, то государство требует поддерживать его в надлежащем виде. Иначе – продавай! У властей денег на все сразу хватить не может. Но я думаю, что все равно город сохраняют. Здесь такие люди живут...

– А вот это правда, – согласился таксист и добавил: – Мы приехали. Вот ваш отель «Азимут».

За разговорами они преодолели пробку, проехали по Каменноостровскому проспекту, развернулись и, покружив в переулках, оказались на Малой Пушкарской улице. Алина вышла из машины и очутилась перед подъездом обычного доходного дома.

– Вон, видишь звоночек, – сказала Елена Владимировна, – нажми. Нам откроют.

Отель бы небольшим и занимал первый этаж то ли усадьбы, то ли дворца.

– Здесь раньше был приют, а до того церковь. Но случилось несчастье, и ее на этом месте восстанавливать не решились.

– Мама, а как ты нашла этот отель? И откуда ты это все знаешь? – изумилась Алина.

– Дочка, мы с тобой так редко виделись, пока ты в интернате была. А твоя мама вполне продвинутый пользователь ПК, да и в Гугле не забанена.

Алина рассмеялась – сленг в устах матери был непривычным и хулиганистым.

– А что на других этажах? – спросила Алина администратора, пока та заполняла карточку гостя.

– Жилой дом, а последний этаж – офисы. Но у всех у них отдельные входы. Так что наших гостей никто не тревожит.

– У вас здесь очень атмосферно, – важно сказала Алина.

– Да, у нас такая планировка, что поневоле проникнешься. Например, ресторан, где вы будете завтракать, – это центральный неф бывшей церкви. А номера располагаются в пристройке – там жили воспитанники приюта. А еще здесь была конюшня. Даже не конюшня, а каретная. Так вот, она тоже сохранилась. Там сейчас у нас гостиная. Мы даже сделали камин и выход в маленький дворик. Туда ворота этой самой каретной выходили.

– Здорово, надо будет там вечером посидеть! – воскликнула Алина.

– Милости просим! – радушно ответила администратор и протянула им магнитные ключи.

Комната была небольшой, уютной, окно выходило в маленький дворик. Алина выглянула туда: дворик чистый, но стены домов закопченные. Окна лестницы узкие, с коричневыми рамами, мутные.

– Неопрятно...

– Алина, к сожалению. Но здесь это не играет никакой роли. Конечно, лучше было бы, если жильцы этого дома в один прекрасный день помыли окна. Или жэк бы это сделал. Но увы! Кстати, это черный ход. Тот самый, по которому приносили зелень, мясо, молоко, а в революцию спасались бунтовщики...

– Да лучше бы не было той революции.

– Не повторяй чужих глупостей. Никто не знает, как лучше. Максимализм в оценках – это очень плохо, тем более когда речь о таких исторических событиях.

– Я забыла, мама, что ты все знаешь, – язвительно сказала Алина.

– Ты забыла, что я старше тебя и что я – твоя мама. Поэтому не язви. И вообще, давай не будем ссориться. Глупое занятие. Мы сюда приехали сделать важное дело. И должны быть поддержкой и опорой друг другу.

– Извини. – Алина подошла к матери и чмокнула ее в щеку. – Но, правда, почему тогда строили так, а теперь – иначе? Почему у нас в области телефона нет? Только мобильная связь. Что, те, кто революцию делал, телефон не могли провести в нашу деревню? Ты же сама в школу бегала звонить. И когда я болела в детстве, и потом, когда надо было срочно с отцом связаться. Нет, я многого не понимаю... Ни про революцию, ни про эту жизнь...

– А может, и не надо? Вон у тебя экзамены на носу.

Забегая вперед, надо сказать, что Алина поступила в институт. Сдав основные экзамены на четверки, она все равно прошла по конкурсу – Новгородцеву уже знали. Она была надеждой юниорской сборной. В институте, где она в будущем должна будет появляться только на экзаменах, бережно относились к олимпийским надеждам. После экзаменов Алине было немного стыдно – она сильно не напрягалась и даже не волновалась. «Ну, провалюсь, тогда буду поступать на следующий год!» – думала она. В ее голове были только сборы и соревнования. Главным был спорт и достижения в нем. Но это все произойдет в начале июля. А пока был только июнь, и Елена Владимировна с Алиной, проснувшись на следующий день рано утром, решили не вызывать такси, а добраться до квартиры «своим ходом».

Они вышли из гостиницы, прошагали до улицы Ленина и по Большой Пушкарской добрались на Каменноостровского проспекта. Этот путь предложила именно Елена Владимировна. Она хотела, чтобы они вышли на проспект в таком месте, чтобы у Алины дух захватило. Так оно и случилось. Большая Пушкарская тоже была внушительной, но все же она не могла сравниться с площадью Льва Толстого. А именно там они свернули с Большой Пушкарской на Каменноостровский проспект.

– Красота какая! – воскликнула Алина, оглядев площадь.

Елена Владимировна польщенно улыбнулась. Словно она была владелицей всего этого архитектурного великолепия. Она втайне мечтала, чтобы ее дочь поняла и полюбила этот город.

– Да, это потрясающее место, а мы пройдем туда дальше, там много красивых домов.

– И квартира, которую мы смотрим, может быть в таком доме?

– Нет, она в доме, который построили в пятидесятых годах. Он большой, с лепниной и башенками. Так называемый сталинский ампир. Раньше там коммуналки были. Но потом их выкупили, расселили, и теперь там в основном отдельные квартиры.

– Тоже хорошо. Знаешь, я бы не хотела жить в таком доме, как у Ирки Кузнецовой.

– Увы, такие дома в Красноярске строили как временное жильё. Но люди так и остались там жить. Или кто-то переезжал в новый хороший дом, а кто-то вселялся во «временный».

– У них ужасно – и в подъезде, и на лестнице.

– Как тебе уже сегодня рассказали, в Петербурге есть страшные подъезды в красивых старых домах.

– Даже не верится, что в этом доме может быть так, как у Кузнецовых. – Алина показала на знаменитый «Дом с башнями».

– Словно средневековый замок, да? – сказала Елена Владимировна. – Впрочем, тут сочетание стилей. Готика, романский стиль... Одним словом, эклектика...

– А здесь живут?

– Здесь театр сейчас, офисы, люди тоже живут.

– Повезло...

– Знаешь, если квартира, которую мы идем смотреть, окажется хорошей, нам тоже повезет. Видишь ли, этот дом стоит на Черной речке...

– На Черной речке? – переспросила Алина.

– Ну да... Место известное...

– Почему? Чем известное? – переспросила Алина.

Елена Владимировна даже остановилась. Она секунду молчала, а потом осторожно спросила:

– Ты не знаешь, что случилось на Черной речке?

– Ну... – протянула Алина, – что-то слышала...

– Алина, а что ты слышала? Не припомнишь?

Новгородцева честно постаралась, но ничего не вспомнила. Хотя чувствовала, что это название с кем-то или с чем-то связано. Елена Владимировна даже покраснела, ей казалось, что дочь ее разыгрывает.

– Алина, вообще-то вы должны были это в школе проходить. Классе в пятом, шестом.

– Наверное, проходили, но я могла быть на сборах, на соревнованиях.

– Алина, в пятом или шестом классе у вас не очень много сборов было. Соревнования проходили, да... И все же ты читала учебник, отвечала у доски, писала контрольные и тесты.

– Мама, я помню, что это с чем-то связано... но вот с чем... А потом, в пятом классе у меня самый трудный год в секции был. Помнишь, я вдруг толстеть стала, у меня результаты снизились...

– Алина, какие результаты? В пятом классе у вас все было на уровне самостоятельности... – горячась, воскликнула мать.

– Это у них так было...

– У кого? – не поняла Елена Владимировна.

– У остальных. А у меня все серьезно было. Я тогда из штанов выпрыгивала, чтобы поехать на школьную олимпиаду.

– Слушай, у тебя ведь по литературе пятерка была в том году? Я же помню.

– Да, а по русскому чуть «пара» не случилась. Но потом пожалели, дали тесты написать еще раз...

– И поставили четыре... – закончила за нее Елена Владимировна.

– Да, так что все хорошо...

– Алина, на Черной речке на дуэли был убит Пушкин. Александр Сергеевич.

– «Закатилось солнце русской поэзии!» – подхватила Алина радостно. – Вот помню эту фразу, а про Черную речку – нет. Наверное, я тогда была на сборах.

– Кошмар... – в совершенном отчаянии прошептала растерянная Елена Владимировна.

– Мам, да что стряслось? – удивилась Новгородцева.

– А когда была Полтавская битва?

– Понятия не имею, – пожала плечами Алина.

– А буржуазная революция в России?

– В 1905 году, – довольно ответила Новгородцева.

– Отлично, – кивнула Елена Владимировна, – но как не знать про Черную речку?!

Алина пожала плечами:

– Мама, теперь я запомню. Понимаешь, я не могу знать все.

– Дочка, есть культурные коды. Бывают коды национальные. Они должны быть у каждого человека, который живет на этой земле. Алина, я даже боюсь спросить, кто написал «Муму»?

– Тургенев. Про это даже анекдот есть...

– Ах, если анекдот...

– Мама, слушай, давай больше не будем на эти темы разговаривать. Мы поссоримся. Понимаю, тебе не нравится, что я такая необразованная. Но это же не только моя вина!

– Что?! – Елена Владимировна в изумлении уставилась на дочь. Казалось, этот день будет полон открытий.

– Ты глаза так не округляй... Когда ты сердилась, ты всегда так делала, а я терпеть этого не могла. Приедешь из интерната на два дня, а ты обязательно с такими глазами по дому ходишь. Вот я и не понимала – за что ты сердиться. Меня же вообще не бывало дома. Я же все время в интернате.

– Алина, но по-другому нельзя было. У нас же в деревне только четырехлетка...

– Да знаю я. Но почему вы сюда не переехали?

Теперь Алина стала сердиться.

– Ты посмотри! – Она повела рукой, словно хотела обнять всю эту площадь Льва Толстого.

– На что посмотреть?

– На этих ребят! Понимаешь, они тоже могут не знать про Черную речку...

– Не могут не знать... Каждый культурный человек в курсе, что это такое... А моя дочь – не знает! Мы с отцом даже не могли себе представить, что такое возможно!

– Хорошо, я плохая... Но что я видела? Нашу деревню. Красноярск.

– Огромный город, в котором есть все – библиотеки, музеи, театры... Было бы желание поинтересоваться этим всем.

– Так почему вы с папой ни разу не сводили меня в театр? Или не записали в библиотеку?

– У нас книг в доме больше, чем в любой библиотеке. Что ты читала?

– То, что ты мне рекомендовала, – парировала Алина.

Елена Владимировна с укором посмотрела на дочь:

– Алина, мы с отцом работали. Но мы всегда читали и вслух обсуждали книги, фильмы, музыку. Ты же все это могла и должна была слышать.

– Я была занята, – спокойно ответила Алина, – я забыла про Черную речку, но я изучила анатомию конечностей человека. Я знаю все про сосуды человека, про его возможность дышать. Про то, как пробежать на лыжах дистанцию и не упасть в обморок на финише. Правда, это не всегда помогает. Мама, я очень много знаю. Ты даже не представляешь сколько. Но ответь все же, почему вы не уехали? Понимаешь, живи я в этом городе, я была бы другой. Кто знает, может, все сложилось бы иначе. И отец дольше бы жил.

Алина перевела дух, а потом продолжила:

– Мама, я читала. Но мало и только то, на что хватало сил. Я была в других городах, но я не видела их. Только спортивный зал, бассейн, лыжню. И падала без сил в конце каждого дня. Я знаю все про травмы и стертые ноги. Мама, я видела тренировки с одиннадцати лет. И зимой, и летом. И еще я знала свою цель – одну-единственную. Победить. Не важно, на каком соревновании и на какой дистанции. Победить – это было и остается самым главным. Мама, у меня всегда есть цель. Но она появилась, наверное, потому, что я ничего не видела и не знала –

только деревню, лес, поля в снегу, реку. Меня питало только это. Я не видела и не представляла возможностей. А природа дарит силу. Она придает твоим планам размах. Я навсегда запомнила, как пробежала на лыжах свою первую дистанцию. Понимаешь, я бежала, и мне казалось, что я мчу по нашему полю. От дома до леса. И сколько раз я это делала! Представляла, что это соревнования. Знаешь, я, наверное, не очень волевой человек. Я выбрала себе то, что мне по силам. А это спорт. Где надо быть стратегом, но вовсе необязательно быть интеллектуалом.

– Алина, тысячи людей живут в маленьких заброшенных деревнях. Но они грамотны и образованны. Они делают карьеру. Если тебе станет легче, то признаю нашу с папой вину. Надо было уезжать. Надо было думать о тебе. Но в нашей жизни была работа, а в ней – размах.

– Да, конечно, работать в школе-четырёхлетке – это размах. Особенно после университета. Я понимаю.

– Алина, родилась ты, а папа не мог жить без своей работы. Понимаешь, мы уехали, потому что, казалось, не было выхода. А потом поняли, что в тех местах есть все, что нужно нам. Интересное дело, преодоление, гигантские задачи... а школы, кстати, не было. Вообще казалось, что жизни нормальной там никогда не будет. Вся страна разрушалась. А там, представляешь, что-то строили, возводили. Я даже представить этого не могла. В том, что нас окружало, тоже был размах. Один Енисей чего стоит! А оказалось, тебе всего этого недостаточно... Отец полюбил эти места, научил меня видеть там только хорошее, к плохому и трудностям относиться с пониманием и терпением. Он и тебя всему этому учил. Если бы не он – ты и к спорту не пристрастилась бы.

– Это правда. Только теперь получается, что этот спорт что-то вроде неприличной профессии. Стыдиться надо.

– Я не об этом говорила. Я о том, что человек должен быть гармоничным. И стыдно не знать, что значит для литературы Черная речка.

– Господи, мама! Ты точно педагог! И что, мы так и будем ругаться? Мы сюда зачем приехали? Квартиру смотреть?

Новгородцевы шли пешком. В пылу разговора они даже не заметили, как миновали Дом Эмира (Елена Владимировна так хотела показать его дочери) и реку Карповку. Они не заметили старые дачи-особняки, не обратили внимания на дом, где работал Опекушин и где сохранились мастерские скульпторов. Они дошли до Большой Невки, миновали Ушаковский мост, и тут Елена Владимировна вытащила из сумки бумажку.

– Так, на углу Салтыковского сада нас будут ждать.

– Ну наконец-то, – облегченно выдохнула Алина.

Настроение у нее испортилось – досадный пробел в знаниях заставил ее засомневаться в себе. «Действительно, что за профессию я себе выбрала? Спортсменка-лыжница. Или тренер. Одно другого лучше. Но что теперь-то делать?» – думала она, прислушиваясь, как мать разговаривает с подошедшей дамой-риелтором.

– ...Мы готовы к сделке. У нас нужная сумма есть. Вы знаете, я даже раритет продала. У мужа «Волга» была. В идеальном состоянии. Он ее в соседней деревне купил. Там владелец так берег ее, не ездил никуда. Как сказал покупатель мне – у вас машина в коллекционном состоянии. Так что мы готовы...

«Господи, мама, да кому это интересно!» – Алине стало неудобно за Елену Владимировну. В такой ее откровенности Алина увидела провинциальность. «Вот почему они не переехали сюда!» – сотый раз за сегодняшний день подумала Новгородцева.

Пока Алина с матерью внимательно осматривали двухкомнатную квартиру на улице Савушкина, недалеко от станции метро «Черная речка», Ира Кузнецова тащила домой тяжелую сумку. В сумке было четыре килограмма клубники. Из нее мать Кузнецовой собиралась

делать компот. И хотя в магазинах даже зимой можно было купить ягоды и фрукты, традиция эта строго соблюдалась. Пошла она еще от Ириных бабушки и прабабушки.

Открыв дверь в подъезд, откуда пахнуло сыростью подвала, чем-то тухлым и едой, Ира поморщилась. «Господи, да что ж это такое!» – подумала Кузнецова. Аккуратно поставив сумку с клубникой на землю, она нашла большой камень и подперла им открытую дверь.

– Ирка, опять за свое! Ты зачем дверь распахнула! Вот жила бы на первом этаже, как мы, так бы не делала! – тут же закричали ей.

– Баб Света, да сил нет эту вонь терпеть. Пусть проветривается. А вы все равно в окне весь день торчите, вот и покараулите, чтобы чужие в подъезд не зашли, – ответила Ира.

Она знала, что соседка выйдет и уберет камень. Дверь опять захлопнется, и в подъезде будет стоять привычная вонь. Еще Ира знала – ни запах, ни вид этих стен и потолков с подтеками не изменятся. Ремонт здесь не сделают, подвал не осушат, трубы не поменяют. Их дом последние лет двадцать был признан аварийным, но людям новое жилье давали редко. Две или три семьи всего переехали, остальные жили как прежде. Кузнецова ждала, пока ей исполнится восемнадцать, чтобы можно было заняться самым важным делом – написать жалобы во все инстанции, включая московские, и потребовать, чтобы либо сделали капитальный ремонт в доме, либо всем дали новые квартиры. «Власти виноваты, но и люди хороши – даже не мяукнут», – сердилась Ира.

Войдя в дом, она тщательно вытерла ноги, потом отнесла клубнику на кухню. Оглядевшись, немного успокоилась. В квартире было гораздо лучше, чем в подъезде. «Вот очень правильно, что мы на пол положили плитку, а рамы заменили на стеклопакеты. Совсем другой вид. И нет этих страшных заляпанных краской шпингалетов. И мыть их легко, не боишься, что развалятся», – подумала Ира. Ремонт они закончили недавно, в квартире еще стоял запах краски, побелки и вообще новой жизни.

Ира в семье считалась «взрослой» – отец и мать уважали ее мнение и во всех вопросах советовались с ней. Делалось это без нарочитости, как порой бывает у родителей, играющих в демократию. Людмила Михайловна и Егор Петрович искренне считали, что дочь – человек ответственный. Более того, они прислушивались к ее суждениям, полагая, что новое поколение умеет распознавать проблемы раньше и реагировать на них проще. Конечно, такое доверие возникло не сразу, а укрепилось после случая с зелеными насаждениями.

Как-то весной работники ЖЭКа сгрузили во дворе штук двадцать деревьев-саженцев. Жильцы живо обсудили активность дотоле ленивых коммунальщиков и потеряли руки – теперь во дворе, кроме ржавых качелей и не до конца смонтированной детской площадки для малышей ясельного возраста, будет еще и зелень. Кузнецова шла из школы, когда толпа во дворе решала, куда сажать деревья. Ира остановилась, послушала всех, потом подошла к саженцам. Что-то там долго рассматривала, а потом громко сказал:

– Зря радуетесь. Это тополя. Обычные тополя. Между прочим, в больших городах их не сажают. Они аллергенны, много мусора от них. И вообще, сорное это дерево. Нельзя их во дворе сажать. В пуху и клейких почках будем все.

Жильцы затихли. Потом кто-то попытался цыкнуть на Иру, но его осадили. Люди заговорили про детей, их диатезы, потом вспомнили, как мальчишки поджигают этот самый пух.

– А ведь Ирка права, – первой вслух сказала баба Света, – у нас же на первом житья не будет. Его же, пух этот, за год не выведешь!

Толпа загудела, и самые активные потянулись в ЖЭК. Через какое-то время саженцы исчезли. А жители (не все опять же, самые деятельные) привезли с участков своих разную зелень и успешно высадили ее под своими окнами.

– Чем бодаться с ЖЭКом, лучше самим это сделать. А они пусть вопросы серьезные решают.

Так Ира Кузнецова стала полноправным участником всех собраний жильцов и человеком, которого на мякине не проведешь. А родители вдруг поняли, что дочь выросла умной, спокойной и деловой. Отец как-то ее спросил:

– Ты куда учиться пойдешь? После школы.

– Я не знаю. Мне многие предметы нравятся. Но я должна понять, что в жизни мне пригодится.

– Врачом пригодится, – вмешалась мать.

– Да, кстати, – согласился отец, – работа всегда будет. Люди сами со своими слабостями не справляются.

– Папа, я если уж пойду в медицинский, то не на нарколога или дерматолога-венеролога.

– Еще есть гастроэнтерологи. Тоже доктор из тех, кто лечит слабости, – рассмеялся отец.

Но Ира осталась серьезной:

– Понимаешь, папа, у профессий, в которых главное навык, то есть есть элемент ремесла, очень низкий потолок. Например, хирург может быть только прекрасным хирургом. Ну станет он профессором. Но, согласишься, ты ляжешь не к профессору, который читает лекции и пишет работы. Ты к практикующему врачу пойдешь. Который у операционного стола как у станка стоит. И руку себе набил. А вот филолог может заниматься всем и еще научной карьерой. И рост здесь почти неограниченный.

Егор Петрович слушал внимательно – дочь в чем-то была права. Но, самое главное, становилось понятно, что она об этом размышляла. Значит, думает о будущем серьезно.

– Знаешь, как решишь, так и будет, – совершенно спокойно произнес отец, – думаю, ты разберешься.

И к десятому классу Кузнецова «разобралась» – она решила поступать в Красноярский педагогический университет. Выбрала исторический факультет, памятуя, что в случае чего и в школе можно работать, а можно и научную карьеру делать. Или и то и другое разом. Еще Ира любила спорт. Собственно, когда-то он был ее единственным серьезным увлечением. В пятом классе она перешла в спортивную школу-интернат, где и познакомилась с Алиной Новгородцевой. Их дружба была крепкой, но недолгой – Ира не выдержала опеки Алины. Что удивительно, никто не понимал, почему это вдруг весьма средняя и не очень организованная ученица вздумала шефствовать над почти отличницей и активисткой. Новгородцева всем рассказывала, что Кузнецова просто завидует ее успехам в спорте. Этому мало кто верил. Все знали: Кузнецова показывала результаты не хуже, но всегда подчеркивала, что никогда не пойдет в спорт. Родители Иры огорчились, когда узнали, что дочь больше не дружит с Алиной.

– Знаешь, ее отец был удивительным человеком. Его многие знали и ценили. И мама очень приятная. Вообще семья у них была «настоящая». Они ведь из Петербурга к нам приехали, да так и остались. Не все столичные жители на такое способны.

– Алина – хорошая, но с ней тяжело, – вздохнула Ира, – понимаешь, она совершенно не думает о других. Она у себя на первом месте.

Экзамены в педагогический университет начинались в середине июля. Кузнецова еще весной сдала сочинение и историю, набрала максимальное количество баллов, и теперь ей осталось только два экзамена. «У меня еще две недели. Успею все повторить, но затягивать с этим не надо. Вчера весь вечер прогуляла», – сказала себе Кузнецова, перекладывая клубнику из сумки в пластмассовый тазик.

Да, вчера вечером она гуляла с Быстровым Сашкой. Они столкнулись у рынка, рядом с магазином, который держал отец Иры. Егор Петрович вообще-то был инженером по образованию, но в девяностые попробовал себя в торговле, и дело пошло. Не очень круто, но на жизнь хватало. Его мечтой было заработать на новую квартиру семье, но цены на недвижимость росли с безумной скоростью. Ничего не оставалось, как только откладывать – на черный

день, дочери на свадьбу, на новую машину. При этом Людмила Михайловна с некоторых пор ставила супругу в пример Новгородцевых, которые смогли себе позволить купить квартиру в Петербурге.

– Что ты хочешь?! – восклицал Кузнецов. – Во-первых, Борис Иванович большим начальником был. Получал очень хорошо. И в деревне они жили – там все дешевле, жилье казенное, а главное, они «Волгу» эту легендарную продали, и купил ее не кто иной, как Белкин. А он денег не жалеет на такие вещи. Он же коллекционер.

– Да, это им повезло, что Белкин эту «Волгу» купил. Тут у нас таких денег нет. А Ира подрастает. Конечно, сейчас приданое не в моде, но вот квартиру бы...

– Вот именно, – вздыхал Егор Петрович.

После таких разговоров он начинал думать, как расширить торговлю, но через некоторое время бросал это занятие. «Надо сказать спасибо, что столько лет торгую. Вон за это время сколько народу разорилось, а я сижу в своем лабазе, и исправно у меня охотники и рыбаки покупают одежду и обувь. Ну и всякую мелочовку для своих увлечений», – думал он. В городе было еще несколько магазинов, держал их главный конкурент Кузнецова, Апашин. Тот был человеком неприятным, но границ не переходил – в торговую тему Кузнецова не вторгался. Егор Петрович, в свою очередь, отвечал тем же. Он понимал, что рано или поздно вопрос с жильем станет остро – дочь росла и становилась красавицей. Было понятно, что замуж она выскочит быстро, разве что ее учеба сможет этому помешать. Кузнецова была упрямой и целеустремленной. И еще она действительно была красивой. Блондинка с вытянутым худым лицом, острым подбородком и очень красивыми синими глазами – она привлекала внимание. «Какой хорошенькой она стала!» – охала иногда мать. «Да уж, что надо!» – гордился отец. Ира рано поняла, что у нее красивое лицо, отличная фигура и что она нравится мальчикам. Сделав это открытие, какое-то время она пользовалась своими «чарами». Дразнила ребят в классе, если родители просили ее купить хлеба, она посылала за ним соседских мальчишек. Причем те еще и жребий бросали, кому идти – желающих было много. Иру это все забавляло. Она даже манеру приобрела – закатывать глаза, словно изумлялась глупости этих мальчишек. Впрочем, такое кокетство продолжалось не очень долго. Однажды, когда она была в седьмом классе, с ней на улице заговорил парень. Приятный, спокойный, доброжелательный. Он что-то спросил, она – ответила, потом они пошли вместе по улице, незаметно как-то он проводил ее до дома. На следующее утро Ира с несколько снисходительной усмешкой обо всем поведала Алине.

– Понимаешь, он, наверное, в классе десятом! – говорила Ира.

– Зачем он тебе сдался? – ревниво спрашивала Новгородцева.

– А что? Ну старше, ну и ладно... – пожала плечами Ира.

К ее удивлению и радости, вечером этот парень ждал ее в переулке у дома. Они опять перебросились словами, а потом парень приобнял Иру за плечи и сказал:

– Слушай, до сессии далеко, может, сходим потусуемся? Прикинь, у меня приятель купил лодку, сегодня обмывать будет. Пошли...

Ира замерла, потом слегка дернула плечом, но парень руку не убрал, а еще крепче обнял ее.

– Ладно тебе, – улыбнулся он.

– Ладно. – Тут у Иры прорезался голос. – Только у меня не сессия, а уроки в школе. Я в седьмом классе.

Парень отпрянул, словно обжегся об Ирино плечо.

– Ты школьница?

– Да, а что, не заметно?

– Вообще-то нет. Ты лет на восемнадцать тянешь.

– Ясно, – кивнула Ира, – а ты в каком классе? В десятом?

– Я в институте учусь. Второй курс. Инженер теплосетей.

- Мы оба трагически ошиблись, – рассмеялась Кузнецова.
- Знаешь, ты расти давай. Вот немного старше станешь, я тебя найду.
- Попробуй...
- А что пробовать? В одном городе живем.

– Договорились. – Кузнецова махнула рукой и пошла в сторону дома. «А он даже очень ничего. Симпатичный и... порядочный», – подумала она, открывая свой подъезд. Эта история послужила ей уроком. Ира поняла, что привлекательна и может нравиться не только своим одноклассникам и пацанам из родного дома. Она может привлекать и парней постарше. А потому с этого дня в ее облике и поведении появилась подчеркнутая сдержанность.

- В монахини готовишься, – съязвила Новгородцева.
- Проблем раньше времени не хочу, – улыбнулась Кузнецова.

Но все же, стоя у зеркала, Ира радовалась, что косметика ей не нужна, любимые булки она может есть сколько угодно, а самая выигрышная для нее одежда – короткие юбки и шорты. Кузнецова выросла теперь с умом. А в школе учительница литературы как-то сказала, что Ира похожа на модель художника Модильяни:

– Модель и возлюбленная художника была рыжеволосой. Мы это видим на портретах его работы. Наша Ира Кузнецова, между прочим, удивительно на нее похожа. Только блондинка.

Ира долго рассматривала подслеповатые портреты и изумлялась, как сквозь время и годы облик одного человека перешел другому. Она действительно была почти копией той парижской красавицы.

И может, этот парень и нашел бы ее, но судьба распорядилась иначе. Ира иногда помогала отцу – то документы в налоговую отвезет, то постоянному покупателю покупку доставит, то просто за прилавком час-другой постоит. И в один из таких дней она нос к носу столкнулась с Сашей Быстрым.

- Отца навещала? – поинтересовался тот.
- Да, помочь надо было. Он спину застудил, тяжело за прилавком.
- А, – сказал Быстров, а Ира рассмеялась.
- Бэ!
- Куда теперь идешь? – не отреагировал на ее ответ Быстров.

Ира растерялась. Вообще-то она хотела зайти в торговый центр в отдел белья. Надо было кое-что посмотреть и купить. Тем более отец только что подкинул ей немного денег.

- Так куда? – повторил свой вопрос Быстров.
- Хотела пройтись, потом в магазин...
- В какой?
- Да что ты пристал? В магазин, и все... – рассердилась Ира.

Она чувствовала себя по-идиотски. Саша Быстров был очень красивым. И спортивным, и отлично одевался. Он вообще отличался от мальчишек-одноклассников. «Это, наверное, потому, что он уже совсем самостоятельный человек – и на соревнования давно ездит, и живет сам. Родители по экспедициям все разъезжают», – подумала Ира, разглядывая Быстрова. Она вдруг почувствовала, что краснеет.

– Ты на солнце сгорела, что ли? – поинтересовался Быстров, глядя на заалевшие уши Кузнецовой.

- Да, – соврала та, – я вообще быстро сгораю.
- Это ты зря, – авторитетно произнес Быстров. – Я вот читал, что солнце очень вредно для здоровья.

– Ага, особенно с нашей зимой. Тут ждешь не дождешься лета, а еще и от солнца прятаться.

– Ну, это же не я придумал, это так специалисты говорят, – пожал плечами Сашка. И Ира поняла, что всегда самоуверенный и высокомерный Быстров смущается.

– Да, я тоже что-то такое слышала. Правда, это касалось солярия. Там эти лампы, они могут быть старыми, – пришла на помощь Быстрову Ира.

– Вот-вот, – оживился тот, а потом добавил: – Но тебе загорать не надо. Ты такая белая... И волосы светлые...

Кузнецова вдруг смутилась. Она вообще не поняла, почему Быстров остановился, и уж точно не уяснила, почему он не пошел по своим делам. Например, к Марине Ежовой. Все знали, что у них отношения. Впрочем, подруга Новгородцева всегда хихикала, когда слышала это выражение. «Какие там могут быть отношения?! Трахаются, и все тут», – усмехалась она. Кузнецова же ничего не говорила – она чувствовала, что между Быстровым и пухленькой, всегда ленивой Ежовой действительно есть что-то значительное. Во всяком случае, это не дружба и не «потусоваться на набережной», не пошлый «интим», который нелеп и опасен в этом школьном возрасте. Ира так как-то и сказала Алине:

– Нет, они любят друг друга. И знаешь, я не удивлюсь, если они поженятся.

– Кто?! – удивилась Алина.

– Быстров и Ежова.

– Ты что, дура?! – грубо сказала Новгородцева. – Вот просто душой надо быть, чтобы такое сказать. Зачем она ему?!

– Она красивая... И очень... – Кузнецова старалась подобрать слово. – Женственная... нет, про таких пишут, что они сексуальные.

– Точно заболела! – всплеснула руками Алина. – Сексуальная! Господи!

– Ну, хорошо, я не знаю, как сказать, но они как-то смотрятся вместе.

Тот разговор закончился опять долгим ворчанием Новгородцевой, Ира больше молчала – она знала, что Алину не переспоришь. Сама Кузнецова осталась при своем мнении – Ежову и Быстрова можно было назвать парой.

И вот сейчас Саша Быстров не только никуда не спешит, но и старается завязать разговор, смущается и вообще ведет себя совершенно необычно.

– Саш, а ты сам куда шел? – спросила Ира.

– Я?.. Я по делам. А потом тебя увидел. Понимаешь, у меня картридж сдох, новый купить надо, а распечатать работу по истории нужно. И еще...

– Ясно, – улыбнулась Ира. – Тогда нам по дороге, я тоже в торговый центр.

Ира поняла, что белье сегодня купить не судьба, к тому же оно подождет, а поведение Быстрова раззадорило ее любопытство.

– Здорово, пойдем ходим. Кстати, тесты по истории не очень сложные, – серьезно заметил Саша.

А Ира чуть не расхохоталась – Быстров прежде не был склонен обсуждать школьные уроки. Его темами были спорт, музыка и развлечения. Но вслух Ира очень доброжелательно заметила:

– Да, верно. Мне тоже так показалось.

– Я, правда, еще не все сделал, вечером добыю.

– Какой ты молодец! Я еще и не начинала, – уже совершенно бессовестно польстила ему Кузнецова.

Быстров даже покраснел.

Они не спеша шли по улице, Ира тайком посматривала вокруг. С одной стороны, хотелось, чтобы их вместе увидели, с другой – ни к чему, чтобы об этом узнала Марина Ежова. Та была неплохой девчонкой, и все знали, что она очень влюблена в Быстрова. Кузнецова даже хотела спросить Быстрова, не обидит ли он Марину, если вот так будет прогуливаться по городу, но потом спохватилась. «Он скажет, что это не прогулка, случайная встреча, которая ничего не значит. И я буду в дураках. Поэтому я промолчу, посмотрю, что будет дальше», – решила про себя Ира. Быстров тем временем стал рассказывать про свои тренировки.

– ... в мороз бежать очень тяжело. И многое зависит от физической подготовки. Поэтому нас гоняют здорово. Особенно в экстремальных условиях. Например, в жару. Знаешь, в тридцать градусов кросс бежать – это не очень просто.

– Я себе представляю. Надо быть здоровым.

– Навык и закалку надо иметь. Так говорит мой тренер. Я с ним согласен. Знаешь, я вообще думаю, что закалка или там выносливость – в жизни главное. Если это есть, то остальное фигня.

– А как же знания? Ты же понимаешь, сейчас без знаний – никуда. Ни карьеру сделать, ни денег заработать

– Спортсмены хорошо устроены. Даже если они не в первом эшелоне.

– Мне Алина тоже так говорила. Но я и с ней не согласилась. Вечно спортом заниматься не будешь.

– А ты деньги не фукай, в бизнес их вкладывай.

– Это как актеры. Они любят в ресторанный бизнес свои гонорары вкладывать.

– Откуда знаешь?

– Читала. – Кузнецова почему-то смутилась. Показалось стыдным читать в Сети всякие сплетни об известных людях.

– А я думал, что у тебя знакомые такие есть.

– Откуда? – искренне удивилась Ира.

– Ты красивая. Мало ли, куда поступать собралась.

– Ага, в актрисы! – рассмеялась Кузнецова.

– Ты запросто пройдешь. У тебя внешность подходящая.

– Там еще надо уметь играть. У нас поэтому и кино такое, без слез смотреть нельзя.

Так, за разговором они дошли до торгового центра. Войдя в большие стеклянные двери, очутились в прохладе, в ароматах духов и кофе. Ира давно заметила, что хорошие торговые центры пахли аппетитно и являли собой некое подобие праздника. Исключение составляли выходные дни, когда толпы семей устремлялись сюда что-то прикупить, поглазеть на витрины и засесть на фудкорте. Там дети давали волю капризам, родители потягивали пиво и рассматривали окружающих. Кузнецова терпеть не могла такое времяпрепровождение. Она считала его бессмысленным и вредным. Даже ее мать как-то сказала:

– Знаешь, вот мне много лет, а и я бы хотела так часок-другой посидеть, никуда не спешить, ничего не делать и точно знать, что посуду после этой еды мыть буду не я.

– Мама, я давно говорю, давайте купим посудомоечную машину! – отреагировала на это Кузнецова.

Мать только махнула рукой.

Сейчас в огромном магазине было тихо. Звучала мелодия из отдела нот (был и такой здесь), вкрадчиво шумел пылесос, работающий в рекламных целях, и шуршала машина, протирающая полы.

– Хорошо, – сказала Ира, – ни-ко-го!

– Да, я тоже толпу не люблю, – в очередной раз согласился с ней Быстров.

– Ну что? Ты за картриджем? Это здесь же на первом этаже. А мне, наверное, на второй.

– Так, подожди, я быстро. И вместе пойдем... – сказал Быстров.

Кузнецова растерялась. Быстров набивался в спутники и явно проявлял интерес. «Прощайте, трусы и бюстгальтер! Не при нем же их покупать!» – подумала Ира, а потом неожиданно спросила:

– А где Марина?

Сашка открыл рот, чтобы что-то сказать, но Ира его опередила:

– Слушай, я не хочу, чтобы она нас увидела. Или кто-нибудь другой из школы. Ведь сплетни пойдут.

– Ирка, ты даешь! – опомнился Быстров. – Что мы такого делаем? В магазин пришли.

– Знаешь, мы с тобой прошли три квартала, сейчас будем здесь тусоваться. Если бы мне парень нравился и я бы увидела такое, я бы не обрадовалась. Да и ты бы тоже.

– Слушай. – Быстров остановился. – Ты бы знала, как меня достали эти разговоры о Ежовой.

– В каком смысле? – удивилась Ира. – По-моему, все так привыкли, что вы вместе, что и разговаривать скучно об этом.

– И что теперь?! Кто говорил, что это навсегда? Маринка – нормальная девчонка, она тоже все понимает.

– То есть вы договорились, что если что – без обид? Ну, она встретит кого-нибудь, ты тихо в сторонку отвалишь? – ехидно спросила Ира.

– Я бы и сейчас уже отвалил, – пробормотал Быстров.

– Ого! Но, знаешь, я не хочу обсуждать ваши с ней дела.

– А я и не обсуждаю. Ты спросила, я ответил.

– Как-то нехорошо получается. У вас какие-то проблемы, а обсуждаешь ты их со мной.

– Да ладно...

– Саш, давай иди за своими картриджами, а я пойду по своим делам.

– Ну, как хочешь... – Быстров пожал плечами, посмотрел в сторону.

Кузнецовой стало стыдно. Она подумала, что скорее всего Быстрову не с кем поделиться своими проблемами. «Действительно, ну не родителям же рассказывать, тем более не ребятам из класса. Да и сплетен он боится». Ира вдруг загордилась тем, что именно ее Быстров выбрал в поверенные.

– Ладно, давай так. Ты свои покупки делаешь, я – свои и встречаемся с «Макдоналдсе» на последнем этаже.

– Да, давай, – явно обрадовался Быстров, – там слопаем что-нибудь.

– Нет, я не голодная. – Ира поспешила отказаться.

Она не знала, есть ли у Быстрова достаточно денег, а самой платить за себя и за мальчика ей казалось неприличным. Ире вообще были чужды идеи и принципы феминизма.

– Ну, колы можно выпить, – сказал Быстров.

– Это можно, – согласилась Ира.

Они разошлись по этажам. Но Ира, поднявшись в отдел, не стала ничего покупать. Сосредоточиться она не могла, и о примерке речи не было. Ее мысли крутились вокруг этой, в общем-то, странной встречи с Быстровым, прогулки с ним и разговоров. В глубине души ей хотелось, чтобы эта встреча была не случайной, а разговор и настойчивость объяснялись не проблемами в отношениях с Мариной Ежовой, а интересом к ней, к Ире. Но пока Кузнецова ни к какому выводу прийти не могла, а потому она рассеянно перебирала белье, висевшее в отделе, и мельком посматривала на себя в зеркало. Ей не очень нравилось, что волосы у нее собраны небрежно и длинные пряди выпали из заколки. Ира их поправила, но так, чтобы не обнаружить желание приукрасить себя. Одета она была просто – в джинсы и футболку. Это одежда была ее любимой – она отлично подчеркивала фигуру.

Ира бродила по магазину и думала о Быстрове: «Зря на него наговаривали. Он не высокомерен. Но, с другой стороны, ему есть чем гордиться – все же чемпион области. Самый способный юниор. Как Новгородцева наша. Кстати, Алина еще та хвастунишка и никогда не упустит возможности упомянуть, что она «надежда лыжного спорта». И ничего. Ей все это прощают. Такая милая слабость. А Быстрову не прощают. Потому что он – красивый. А он действительно хорош». Тут Ира вдруг остановилась. Ей показалось, что уже такое было. Вот так она уже бродила по магазину, а внизу ее ждал Быстров, и на душе было нежно и тревожно одновременно. Она покрутила головой: «Совсем спятила. И все из-за какого-то Сашки».

Впрочем, сейчас Ира себя обманывала. Быстров вовсе не был «каким-то Сашкой». Он был «тем самым Быстрым». И очень нравился Кузнецовой еще тогда, когда ее за ручку водили в школу. Ира очень хорошо помнила, что Саша был самым высоким в классе, самым сильным и, как ей казалось, самым симпатичным. Особенно ей нравились его глаза – серые, в темных ресницах, под густыми и прямыми бровями. На уроках Ира исподтишка рассматривала Быстрова и в шестом классе пришла к выводу, что у него лицо, как у древних греков. Та же высокая переносица, тот же прямой нос, и глаза посажены достаточно близко. Все вместе было почти точной копией лица Аполлона, фотография статуи которого была напечатана на седьмой странице учебника истории. Кузнецова слегка опешила от сделанного открытия и поделилась им с Новгородцевой. Алина несколько уроков подряд рассматривала Быстрова, тот не выдержал и спросил в лоб:

– Новгородцева, у меня на лбу рога растут? Чего уставилась?

Алина хмыкнула и показал ему язык, а Кузнецовой сказала:

– Ничего особенного. И на Аполлона не похож. Уж слишком носатый.

Кузнецова осталась при своем мнении. Более того, теперь она представляла, что Быстров ее пригласит в кино или, допустим, на соревнования, где он победит, а она ему подарит цветы. И еще в порыве радости поцелует в щеку. Об этих своих мечтах, понятно, она Новгородцевой не говорила. В шестом классе Быстров часто отсутствовал. Соревнования и всякие поездки, связанные со спортивной секцией. Кузнецова очень переживала: ей казалось, что еще немного – и Саша Быстров перейдет в другую школу. Новгородцева словно о чем-то догадалась:

– Ты что-то совсем приуныла. Правда, как Сашка уехал, так в классе тоска стала. Он заводил всех.

Кузнецова подумала, что Быстров не заводил никого. Просто смысл в их школьной жизни появлялся только тогда, когда Быстров сидел на своем месте – на первой парте в правом ряду.

В шестом классе Ира стала неважно учиться, ходила в школу без охоты и длинные волосы заплетала в небрежную косу. Учителя пеняли:

– Кузнецова, больше инициативы, будь активнее. И подтянуться надо – так до троек в четверти недалеко.

Но однажды Ира опоздала на первый урок, а когда прошмыгнула на свое место под строгим учительским взглядом, обнаружила в классе Быстрова. Тот сидел со своей полуулыбкой, словно дорогой гость. Остальные мальчишки притихли, девочки старались «выглядеть». Кузнецова охнула про себя и пожалела, что пришла в старых туфлях. Весь этот день она старательно не попадалась на глаза Быстрову. Зато на следующий день пришла в школу в обновках – юбке в яркую клетку и туфлях, купленных специально для парадных случаев. Ире пришлось уходить из дома в старых, а уже по дороге переобуться. Кузнецова знала, что мать бы не одобрила такое.

Когда Новгородцева увидела Иру, она хихикнула:

– Вырядилась. Теперь точно заметит.

Кузнецова предпочла игнорировать эту реплику. Она чувствовала себя на седьмом небе – в ее жизни появился смысл. Она в тот же день блестяще ответила на уроке истории, решила труднейшую задачу на алгебре, а после уроков долго сутилась в вестибюле. Она все ждала, когда Быстров пойдет домой. Тот был в учительской, решался вопрос, как его будут аттестовать – через неделю он опять уезжал. Наконец Быстров появился.

– Саш, ты завтра будешь? – от волнения Кузнецова говорила скороговоркой.

– А что? – остановился Быстров.

– Надо помочь в классе, там новые парты поставили, теперь убрать надо...

– С ума сошла? Другого времени не нашла? – Как специально, вдруг откуда ни возьмись появилась Новгородцева. – У человека тренировки такие на носу, а ты ему парты двигать предлагаешь. Ты просто не понимаешь, что такое спортом заниматься.

Кузнецова растерялась – Алина выставила ее какой-то приставучей душой.

– Да, правда, у меня дел до кучи, – рассмеялся Быстров и вышел на улицу.

Кузнецова посмотрела на Новгородцева. Та ухмыльнулась.

Вечером того же дня Ира неожиданно для себя пожаловалась матери:

– Понимаешь, мне же нужно все организовать. Быстров сильный. Он бы мигом все раскидал. А Алина влезла, да еще так глупо. Знаешь, она всегда так делает...

Людмила Михайловна внимательно посмотрела на дочь. Она заметила, что Ира сегодня пошла в школу в парадных туфлях, и юбка ее была отглажена складка к складке, а светлые волосы были аккуратно и красиво зачесаны наверх. «Ей этот мальчик нравится, иначе она бы не завела разговор об этом», – подумала Людмила Михайловна, а дочери ответила:

– Ты к Алине будь снисходительна.

– Это почему?! – возмутилась Ира.

– Ну, как тебе сказать. Понимаешь, у нее очень хорошие родители. Отец, Борис Иванович, большой начальник, своим трудом в такие сложные времена всего достиг сам. Он Алину очень любит и много для нее делает. И мама ее – настоящая учительница. Но мне кажется, Алина переживает, что должна жить в интернате.

– Но почему они в город не переехали?

– Сложно сказать. Там все же дом. Земля. Я слышала, они собирались, но что-то мешало. Думаю, им там хорошо. И Алина ведь спортом увлекается, а там природа, есть где заниматься. Потом у нее характер такой. Для спорта как раз подходящий – упрямый, злой немножко. Но она хорошая девочка.

Ира слушала, а потом сказала ту самую фразу:

– Она дружит, как душит. Вздохнуть не даст.

– Будь великодушна. Ты тоже не подарок, – улыбнулась мать.

После того разговора Ира присмотрелась к подруге и поняла, что мать права. Новгородцева начинала дуться и злиться, как только Ира собиралась домой. Расписание «интернатских» было немного другим, нежели у тех, кто после уроков шел домой.

– Ты разве не пойдешь на дополнительные по алгебре? Ты же говорила, что не понимаешь эту тему.

Ира отнекивалась и жалела, что сама же пожаловалась подруге. В конце концов Алина начинала сердиться и говорить неприятные вещи. «Зачем дружить и ссориться из-за ерунды?» – недоумевала Ира.

С появлением на их общем горизонте Быстрова отношения еще больше обострились. Кузнецовой казалось, что Алина неотрывно следит за ней и контролирует каждый ее шаг. Ира же не могла посмотреть в сторону Сашки, чтобы этот взгляд не был замечен и прокомментирован Алиной. И чем больше усердствовала в этом Новгородцева, тем неудержимее тянуло Кузнецову к Быстрову.

– Перестань бегать за ним. Это же неприлично! – фыркнула Алина, когда Ира на уроке литературы, совершенно не слушая учительницу, разглядывала греческий профиль Быстрова.

– Я не бегаю, – пробормотала Ира.

– А то я не вижу, – прошипела Алина и добавила: – Ты опоздала. Маринка Ежова с ним уже ходит.

– Куда ходит? – не поняла Ира.

– Так в деревне говорят. «Ходят» – значит, встречаются.

– Как? – изумилась Ира. – Ежова. Но она же...

– Ага, толстая. И на лицо так себе...

– Лицо у нее приятное, – постаралась быть справедливой Ира.

Алина пожала плечами:

– А, не важно. Они встречаются.

– Откуда ты знаешь?

– В интернате секретов не бывает, – хохотнула Алина.

– Да, я же забыла. В интернате все общее. Даже туфли, – теперь уже Ира усмехнулась.

Лицо Алины вытянулось. Намек на туфли ее больно уколол – Алина однажды пришла на уроки в туфлях своей соседки по комнате. «Вот, Ленка дала поносить», – объяснила она. Кузнецова уже тогда знала, что носить чужую обувь не стоит, о чем и сказала Новгородцевой.

Ира редко когда позволяла себе резкость. Она не пожалела, что так ответила подруге. Но зря не сумела скрыть, как ей нравится Быстров.

А тем временем события в классе развивались стремительно. Полноватая, медлительная, с большими зелеными глазами и румяными щеками Марина Ежова неожиданно завладела самым красивым и видным мальчиком школы-интерната. Как это случилось и почему так произошло – никто не понял. Но факт остается фактом – Быстров провожал Марину из школы, они ходили в кино и гуляли по набережной. Она помогала ему делать алгебру и писала за него изложения. Понятно, что все это происходило тогда, когда Быстров был в городе. Когда он уезжал на сборы, Марина Ежова предпочитала быть одна. Она почти не общалась с одноклассниками. Оставалась такой же тихой и молчаливой, как и до дружбы с Быстрым. Слава «подружки самого лучшего спортсмена школы» ее никак не изменила.

В конце шестого класса все разъехались на каникулы. Алина вернулась к себе в деревню, Кузнецова была в городе и только на дней десять с родителями съездила на море. Все три летних месяца она думала о Быстрове. «В седьмом классе он вряд ли с Ежовой будет... Целое лето пройдет. А это очень много!» – думала она с надеждой. Сашка у нее из головы не выходил. Но, к удивлению всех, первого сентября Быстров и Ежова появились вместе. Словно не было этих трех месяцев, на которые так рассчитывала Кузнецова.

– Сашка вернулся в город двадцать пятого августа. Маринка двадцать шестого. Все эти дни они шатались вместе, – сообщила Новгородцева Ире.

Кузнецова сделала вид, что не услышала этого, но всю торжественную линейку по случаю начала нового учебного года внимательно наблюдала за Быстрым и Ежовой. И поняла, что в их отношениях появилось нечто новое. И это заставило Иру в конце концов отвести глаза.

– Они трахались. Это же понятно, – произнесла Новгородцева над ухом. Ира дернулась, но ничего не ответила. Алина попала в точку. Вот то, новое, что появилось между ними, – уверенность друг в друге.

Это открытие огорчило Иру до слез. Она ждала начала учебного года, надеясь, что Быстров забудет про Ежову. И вот теперь... «Как же так? Как они решились? Они теперь любовники...» – думала Ира. Это слово ей не нравилось, как и слово «возлюбленные».

Первым уроком в этот день была биология. Пока учительница Шишкина рассказывала, на что в первую очередь надо обратить внимание, изучая ее предмет, Кузнецова клялась себе, что отныне она ни под каким видом, ни под каким предлогом не обратится к Быстрому. Она давала себе слово, что забудет о Сашке и он перестанет для нее существовать.

Кузнецова была с характером, в этом она не уступала Новгородцевой. Решение, принятое на уроке биологии, определило все дальнейшее отношение Иры к Сашке. Он перестал для нее существовать. Нет, она, конечно, проплакала пару ночей, чуть не отрезала свои длинные волосы, чтобы сделать такую стрижку, как у Ежовой, сделала попытку написать Быстрому письмо. Но это все заняло от силы недели две. После она превратилась в прежнюю Иру Кузнецову...

...И вот теперь, когда в их школьной жизни остались только выпускные экзамены, Саша Быстров вдруг совершенно недвусмысленно оказывает ей знаки внимания. Ира, обойдя весь отдел женского белья, так и не нашла объяснения этому факту.

Она посмотрела на часы, попросилась с весьма раздраженной продавщицей и отправилась на верхний этаж торгового центра. Там уже должен был ждать ее Быстров.

В будний день здесь, наверху, почти никого не было. Быстров сидел за столиком, что-то искал в телефоне, на столе перед ним стояли два больших стакана с колой. Ира подошла не сразу, она замедлила шаг, чтобы рассмотреть Сашку. «С тех пор он стал еще красивее», – вздохнула она. Какое-то суеверное чувство заставило ее медлить, словно она вступала в новую жизнь, но была предупреждена о событиях, которые случатся впоследствии. «Может, мне не подходить к нему?» – подумала она, но в этот момент Быстров поднял голову, и все ее сомнения куда-то исчезли. Невозможно было устоять перед этими глазами!

– А где покупки? – спросил Сашка, указав на ее пустые руки.

Она пожала плечами:

– Не нашла ничего подходящего. А ты? Купил картридж?

– Да. Садись. Вот кола. Может, ты что-нибудь съешь?

– Нет, спасибо. Так что там у вас с Ежовой? – по-деловому спросила Ира. Она решила притвориться, что их встреча, прогулка и разговор – исключительно результат стремления Быстрова получить совет и поддержку в сложной ситуации.

– С Маринкой? – переспросил Быстров. – Ничего. Именно что – ничего.

– Как это?

– Рано или поздно такое заканчивается.

– А как же наши родители живут? Мои вместе уже двадцать лет. И ничего. Правда, ссорились одно время... Но ведь живут.

– Мои тоже живут, хотя мать грозитя уйти от отца, сколько я себя помню. Хорошо, что я на сборах все время, а то не представляю, как бы жил с ними. Они все время цапаются.

– Мы, наверное, тоже такими будем. Я не знаю, что сказать тебе, Быстров. Марина – хорошая девчонка. И вы с ней шестого класса.

– Дураками были. Казались себе взрослыми. А сопляки сопляками.

– Но сейчас совсем уже не сопляки, – улыбнулась Ира и добавила: – Слушай, что было – от того никуда уже не денешься. Но, если ты так настроен, мне кажется, надо все Ежовой сказать. Честно.

Быстров промолчал. «Еще бы! – подумала про себя Ира. – Честно сказать Марине, что все закончилось! Я даже не представляю себе, что это будет!»

– Ладно, – вздохнул Быстров, – ты-то историю сделала? А то могу помочь.

– Сделала. Спасибо, вроде справилась. Там просто надо было к прошлым темам вернуться. – Ира не подала вида, что удивлена. Быстров, который вечно отсутствовал на уроках, сам частенько списывал домашнее задание.

– Быстрей бы все эти экзамены прошли. А то висят над головой...

– ...как дамоклов меч, – закончила фразу Кузнецова. – Кстати, вот у некоторых такой проблемы нет. Новгородцева уже все сдала. Только за аттестатом приедет.

– Знаю, хвасталась. Она сейчас в Питере. Квартиру смотрят с матерью. Заодно она и документы подаст в «Лесгафта». Если все будет нормально, говорит, вернутся формальности закончить и Байку забрать.

Кузнецова удивилась – даже она не знала таких подробностей. Алина, уезжая, сказала, что она провожает мать, поскольку «смотреть квартиру – дело серьезное».

– Откуда ты знаешь? Про документы в институт?

– А ты что, не знала?

– Что она собирается поступать в физкультурный, знали все. Алина, как и ты, член юниорской сборной. Но я думала, что она просто с ознакомительной поездкой. Варианты не спеша посмотреть...

– Они уже нашли вариант. Он им понравился очень. А теперь вот им надо встретиться с хозяином квартиры.

«Вот это да! – подумала про себя Кузнецова. – Новгородцева общается с Быстрым, но мне ни слова не сказала. Как и про институт. А ведь хотела ехать в Москву».

– Да, я слышала про ее планы, но я знаю Новгородцеву. Она же человек решительный и планы меняет достаточно быстро.

– Не говори. Это ее идея выступать за сборную другой страны – тоже не от большого ума. Я ей так и сказал: «Ты сначала спортивный авторитет приобрети, а потом уже предлагай себя. А еще лучше, когда за тебя клубы драться будут». Но она не слушает.

– Алина упрямая, это верно.

– Не упрямая. Она – упертая.

– Ну, может, и так...

Ира не захотела обсуждать подругу с Быстрым. Но удивление от услышанного не проходило. Оказывается, Новгородцева общается с Быстрым и рассказывает даже то, что она, Кузнецова, ее лучшая подруга, не знает. У Иры испортилось настроение.

– Саш, я пойду. Мама просила помочь. И еще я хочу поговорить в ЖЭКе с тетками. У нас опять сырость в подъезде.

Быстров внимательно посмотрел на Иру:

– Ты – молодец. Такая спокойная, тихая, а все у тебя как-то получается И думаешь ты о таких вещах, о которых кто-то еще и не подумал бы.

– Ты о чем? – не поняла Ира.

– Понимаешь, другая бы плюнула на этот ваш подъезд и дом. Рано или поздно его снесут, а вас переселят. Такая, как ты, красивая... – Быстров тут замялся, – выйдет замуж и будет жить в собственном доме на берегу Енисея. Или Москвы-реки.

– Ты что такое говоришь?! – рассмеялась Кузнецова.

– Ты красивая. И не дура, – сказал Быстров вставая, – ладно, пойдем.

Дошли до дома Иры они быстро. Разговаривали о ерунде – о том, что видели на улице, о погоде, о планах на лето.

У подъезда Кузнецова постаралась быстро попрощаться – в окне висела баба Света. Дверь подъезда была привычно закрыта, но Ира на это сейчас не обратила внимания. Она хотела быстрее оказаться у себя и подумать обо всем, что сейчас произошло.

Дома уже была мать. Ира для видимости покрутилась рядом, задала какие-то вопросы, потом взялась помыть посуду, разбила тарелку и была выгнана Людмилой Михайловной из кухни.

– Пойди позанимайся. Экзамены на носу. Хоть ты и уверена в себе – повторить еще раз не помешает.

Кузнецова быстро согласилась и заперлась в своей комнате. Она раскрыла учебник, разложила тетради и... задумалась. Стала вспоминать сегодняшний день минута за минутой. И как она была у отца в магазине, и как неожиданно встретила Быстрова, как он был одет, как заговорил с ней. Она долго перебирала в голове мелочи – как Быстров улыбался, какое лицо у него было, когда он говорил о Марине, как он вздохнул, когда признался, что у них все не так хорошо. Ира еще помнила, как Быстров смотрел на нее – на лице его была улыбка, и его красивое лицо стало мягким. «Ой, да это просто невероятно! Вот так, ни с того ни с сего... Взял и встретил на улице... А как он оказался там? Случайно же. Нарочно – это невозможно. Он же не знал, что я пойду туда!» – при этом сердце Кузнецовой билось в каком-то радостном предвкушении. И тут, когда она выскочила из-за стола, подбежала к зеркалу и стала разглядывать свое лицо (которое так хвалил Быстров), она вспомнила про Алину Новгородцеву. «Оказывается, она с ним общалась. И не просто разговаривала. Она советовалась с ним, рассказывала о своих планах, про институт. Мне, своей лучшей подруге, она и половину не гово-

рила!» – подумала Ира, и в душу ее закралось подозрение. «А он всегда ей нравился! Только она виду не подавала, не то что я, дура такая! Я же тогда в седьмом классе вела себя как дура. И Новгородцева еще и насмеялась надо мной. Правильно, кстати, делала. Нечего мне было все напоказ выставлять. Ну нравился мне Быстров... Ну и что...» – Ира отошла от зеркала. Ее красота, расхваленная Быстровым, стала неочевидной. Она сделала круг по комнате и, не совладав с собой, выскочила на кухню.

– Мама, понимаешь, я сегодня встретила Быстрова. Сашу. Ну, ты же знаешь его?

– Конечно! – отозвалась Людмила Михайловна. – Самый красивый мальчик в вашей школе. И еще очень способный. Знаешь, все говорят, что его место в сборной. И...

– Так вот... – нетерпеливо перебила ее Ира, – мы сегодня с ним столкнулись у магазина нашего. Ну, прошлись немного, поболтали. Он же с Ежовой уже много лет дружит. И, как многие считают, у них отношения. Ну, серьезные.

– Интересно как, – заметила мать, – отношения серьезные, но в школе учатся...

– Мама, – поморщилась Ира, – ты же знаешь, сейчас все иначе. И все знают, у кого с кем любовь.

– Да понимаю я, но все же мы привыкли к другому.

– Знаю, мам! Но ты послушай про Быстрова!

«Господи, да быстрее бы она школу окончила! – подумала Людмила Михайловна. – И этот Быстров исчез бы с горизонта. В седьмом классе по уши была в него влюблена. Я уж думала, все, перегорела, выросла. Но нет, все не так просто. Одна надежда – в институт пойдет, новые знакомства будут, забудет этого самого Быстрова».

– Так что же с ним случилось? – вслух произнесла Людмила Михайловна.

– Он с Алиной общается! Вернее, она с ним. Понимаешь, она мне ничего не говорила, а ему про все рассказала – куда поступает, где квартиру они покупают, когда уедет, приедет. Понимаешь, я даже половины не знаю. Какая же она скрытная! Мне, конечно, плевать, но я бы так не поступила!

«Вот тебе и взрослые отношения. В сущности, они дети совсем. Так переживать из-за того, что кто-то о чем-то поговорил! Ну и что, что подруги... Не обязательно всем делиться. Хотя, конечно, у Алины часто вероломство было связано с излишней опекой и ревностью». – Людмила Михайловна смотрела на раскрасневшуюся дочь.

– Ира, не беспокойся из-за ерунды. Каждый человек имеет право на свою жизнь. И на разговоры, в частности. Поэтому пусть Алина общается, и ты тоже. Тем более что у Саши и Марины, как ты говоришь, отношения серьезные. А вы дружите. Друзья могут болтать о чем угодно!

– Мама, он сегодня сказал, что не хочет больше общаться с Маринкой. Понимаешь, так и сказал. Я даже растерялась.

– Вот как? Ну что ж, никто никому не гарантировал вечные отношения. Но вот когда будет семья, тогда надо будет поступать иначе. Придется искать компромиссы. Так просто сказать, что «все надоело», нельзя будет. Хотя бы из-за детей.

– Ну, не знаю, – вдруг задумчиво произнесла Кузнецова, – когда я была поменьше и вы с папой ссорились, я очень нервничала. Вряд ли хорошо, когда дети это все время видят и переживают. Лучше, чтобы родители разошлись.

Людмила Михайловна внимательно посмотрела на дочь:

– Мы с папой любим друг друга до сих пор. Просто с течением времени любовь меняется. И к этому надо быть готовыми.

– Мама, – отмахнулась Ира, – но я же права? За спиной общаться с парнем и ничего не говорить!

– Это ее личное дело! Ира, в шестом классе, помнится, мы вели такие же разговоры. Господи, ребенок просто! – рассмеялась мать. – Не надо ссориться с подругой из-за мальчика.

Понимаешь, вы с Алиной дружите больше десяти лет, а Саша Быстров с вами общается совсем недавно. И нравится ему Марина Ежова. Так надо ли вашу дружбу под удар ставить?

– Да, ты права, – вздохнула Ира. Но в голове и в душе у нее ничего не прояснилось – вероломство Новгородцевой было очевидным. К тому же возмущение вызвали слова матери о том, что Быстрову нравится Ежова. «Мама даже не поняла, что Маринка ему больше не нравится. А... нравлюсь я!» – думала про себя Ира.

Июль пролетел быстро. Подготовка, экзамены, консультации, волнение и ожидание результатов – все это съедало время. Ира Кузнецова просто не успевала заводить будильник. Весь июль она жила по режиму, который сама и определила. Ранний подъем, учеба, повторение вчерашнего, еще два новых вопроса, затем завтрак, потом опять учеба. Наблюдая, как дочь занимается, Людмила Михайловна иногда даже переживала.

– Хорошо, что весной сдала два экзамена, а то сейчас бы переутомление заработала, – говорила она.

– Мама, два экзамена тоже надо сдать, – отвечала Ира.

– Иди, прогуляйся, воздухом подыши, – настаивала Людмила Михайловна. Но Кузнецова сидела за столом так долго, что начинали ныть виски, а вместо текста в глазах прыгали отдельные буквы. Тогда она наскоро что-то перекусывала и уходила на улицу. Она действительно уставала, но не могла себе позволить сбросить темп. Ира всегда была ответственным человеком, но получение школьного аттестата повлияло на нее совершенно неожиданным образом. Кузнецова поняла, что детство закончилось. И как бы ни манили студенческие развлечения и свобода, она должна уже сейчас думать о будущем. А его она видела в интересной работе, путешествиях и... семье.

Весь июль Кузнецова занималась и сдавала экзамены. И целый месяц общалась с Сашей Быстрым. Их встречи были как бы случайны, внешне они не проявляли никаких особых чувств. Мол, что такого, столкнулись вчерашние одноклассники, отчего бы и не поболтать, не пройтись пару кварталов? Кузнецова и сама верила в этот миф, но как только она становилась честной и принципиальной, такой, какой старалась быть всегда и во всех вопросах, она признавалась, что ничего случайного тут нет. Ира понимала, что интерес, любопытство, симпатия и еще что-то такое будоражащее, что сложно побороть, неудержимо тянут ее на эти встречи. Она себе признавалась, что все эти занятия в течение дня, непрерывные, на износ, не что иное, как взятка совести. «Я же весь день сидела не поднимая головы, даже мама говорит, что много работаю и мне надо гулять!» – говорила себе Кузнецова и ровно в пять вечера собиралась на улицу – надевала заранее приготовленное платье, причесывалась тщательно, красила глаза. И получалось, что ровно в пять Ира Кузнецова шла на свидание с Сашей Быстрым. Только себе она в этом не признавалась.

А Быстров вылавливал ее на улице – видимо, уже понимал, когда она будет. Они некоторое время стояли и разговаривали о пустяках. Потом один из них произносил фразу:

– Я вообще-то шел/шла в аптеку/магазин/химчистку, которая на улице...

И при этом назывался один из самых отдаленных районов города, где почти не было шансов встретить знакомых. Затем они шли быстрым шагом, почти не разговаривали, и оба хмуро посматривали по сторонам. Если бы кто-то их увидел, то даже не догадался бы, что этих двоих на окраину города гонит чувство, в которое они сами еще поверить не могут. Оказавшись в глухом районе, они выдыхали, и плечи их словно распрямлялись, и посмотреть друга на друга они уже не боялись. Голоса их становилась громче, жесты свободнее. Именно здесь, в запущенных, но еще не застроенных промзонах и неухоженных кварталах они обсуждали самые важные вещи.

– Я хочу заниматься спортом. Я знаю, что это – мое. Но потом я хочу дело свое открыть.

– Какое же?

– Машины продавать буду. Мне копеечный вариант типа кафе не годится. Я хочу, чтобы заработок был сразу хороший.

– Смотря какое кафе, – размышляла Ира. Она мало что понимала в этих вопросах, но после подобных разговоров читала статьи в интернете и внимательно читала меню городских кафе и ресторанов. Она делилась своей информацией с Быстрым, а он иногда даже сразу не понимал, о чем это она.

– Ты же вчера сам говорил про рестораны. Вот я и решила узнать, что да как...

– А, – морщился Быстров. И Ира понимала, что эти разговоры ведутся просто так. «Игра все это!» – думала Ира. Ей было жаль, что нельзя с ним обсудить полезную информацию, но потраченного на это времени жаль не было. Кузнецова знала уже: никакое знание не пропадает. Через два дня Саша будет так же серьезно и увлеченно говорить о торговле лесом или нефтью, но это его легковесность не вызывала у нее отторжения. «Чего это я хочу? Мы только школу окончили! Нельзя же требовать от человека четкого планирования и постоянства!» – думала Ира. О себе она говорила редко, ей казалось, что яркому и удачливому Быстрову совершенно не интересны ее мелкие заботы и планы. К тому же бесконечный глянec, который, казалось ушел в небытие, научил женщин подстраиваться под мужчин. Ира сама того не заметила, как пошла наперекор себе и признала главенство Быстрова. Теперь все эти встречи и разговоры крутились вокруг него. Во всяком случае, она никогда ни на чем не настаивала и почти не спорила с парнем. Впрочем, Ире хватало чутья и сообразительности делать так, чтобы эта податливость не выглядела покорностью. Их диалоги выглядели примерно так:

– Мне не нравится, как переделали старую набережную! – говорил Быстров.

Кузнецова после короткой паузы – вроде она размышляет – отвечает ему:

– Мне всегда казалось, что чугунные ограды придают вес и солидность. Но если присмотреться, то, похоже, ты прав. Надо было что-то другое придумать.

Так Кузнецова и льстила ему, и сохраняла лицо. По реакции Быстрова она видела, что попала в цель, угадала линию поведения. Ему нравилось, что к нему прислушиваются и серьезно относятся к его суждениям. «Ну а если быть до конца откровенной, он по большей части прав!» – убеждала себя Ира.

Наконец закончились экзамены. Они оба стали студентами. Ира понимала, что Саша поступил благодаря своим успехам в спорте, для него это был довольно формальный шаг, и в исходе он совершенно не сомневался. За себя Кузнецова особенно не боялась, была уверена. Попав в общий настрой, она, конечно, немного попереживала, у дверей аудитории охала и бегала курить в парк, но когда дело доходило до самих ответов, Кузнецова старалась отвечать спокойно. Впрочем, произошел эпизод, который озадачил Иру, а потом заставил рассмеяться.

Последний экзамен был самым трудным, народ особенно волновался. Ира накануне просмотрела все темы, удостоверилась, что пробелов нет. Спала она спокойно, встала вовремя и в десять часов была уже в институте. Когда она вошла в аудиторию, оказалось, что там только один преподаватель.

– Здравствуйте, – сказал он. В этот момент Ира запнулась, задела ногой стул и чуть не упала. Преподаватель внимательно посмотрел на нее.

– Волнуетесь? – спросил он вместо приветствия.

– Э-э-э, – только и смогла ответить Ира, потому что очень больно ударила ногу.

– Волнение – плохой помощник, – сказал преподаватель.

Ира кивнула и поспешила занять первый стол. Всего их было четыре. «Сейчас он пригласит еще троих, а потом предложит взять билеты», – подумала она. Но преподаватель никого не пригласил. Более того, когда кто-то заглянул в дверь, преподаватель вежливо попросил подождать.

– Ну, все? Успокоились? – улыбнулся он Ире.

Кузнецова кивнула – не объяснять же, что мизинец из-за этого стула болит.

– Пожалуйста, возьмите билет, – сказал преподаватель.

Кузнецова вытянула билет, показала преподавателю.

– Готовьтесь, – кивнул он.

Кузнецова села на свое место, еще раз прочитала вопрос и... похолодела. Она не учила эту тему. «Господи, как это получилось?! Я же все вчера повторяла?» – Ира была в ужасе. Она даже представить себе не могла, что такое с ней может случиться. «Это все Быстров. Это все эти прогулки! Что же делать?!» – думала она.

– Все хорошо? – спросил преподаватель.

– Да, да, – пролепетала Ира, хотя ее вид говорил об ином.

Преподаватель поправил на своем столе книги, потоптался, нерешительно покашлял и обратился к Кузнецовой:

– Я должен отойти. Меня срочно просят подойти в деканат. Я вас оставлю...

– Да, – растерялась Кузнецова.

– Но я должен вас закрыть. Понимаете, экзамен...

– Закрывайте, – махнула рукой Ира.

– Хорошо. Вот ваши бумаги, вы оставили на столе.

С этими словами преподаватель положил перед Ирой тоненькие книжицы. Они были изданы в институтской типографии.

– Это... не...

– Ваше, да. Я буду минут через двадцать. – С этими словами преподаватель покинул аудиторию. Кузнецова все быстро сообразила и, полистав брошюры, накатала ответ. Преподаватель вошел как ни в чем не бывало уселся за свой стол.

– Ну-с, я готов вас слушать.

На экзамене Ира получила пять.

Эту историю Кузнецова рассказала Быстрову. Тот усмехнулся:

– Что тебя удивляет? Очень красивая девушка пришла сдавать экзамен. Почему бы не помочь?

– Да брось ты! – отмахнулась Ира.

– Только не говори, что ты не понимаешь, в чем дело!

Ира покраснела, словно ее поймали на лжи.

– Я так испугалась, растерялась. Он просто пожалел меня.

– Была бы некрасивой, не пожалел бы, – отрезал Быстров.

«А он ревнует!» – вдруг догадалась Кузнецова.

Они встретились уже студентами.

– Поздравляю, – сказал Быстров и вручил Ире маленькую смешную брошку в виде двух играющих собачек.

– Ой, – зарделась та, – спасибо, а я тебе ничего не приготовила.

– А я бы и не взял, – спокойно ответил Быстров. – Это женщинам дарят подарки. А мужчины сами себе все добывают.

– Ну, по-разному бывает. У мужчин же дни рождения, например, тоже бывают, – отреагировала Ира. Ей было приятно такое внимание. Она вообще была рада, что спустя месяц регулярных встреч отношения между ними становятся все ближе. И за руку он ее берет, и слегка обнимает за плечи, и заботится, чтобы не замерзла. Как бы невзначай поправляет волосы, заправляя локон за ухо. От этих прикосновений Иру бросало в дрожь. Ей очень хотелось ответить таким же ласковым жестом, но нерешительность и даже стыд сковывали ее. «Какая же я дура! Весь наш класс переспал друг с другом, а я...» – корила она себя, хотя и не была до конца уверена в таком полномасштабном падении нравов. Но самым сложным было забыть про Ежову. Поначалу Ира старалась не думать, что делает Марина, когда они с Быстровым проводят

вместе целые вечера. Потом Кузнецова себя уговорила, что Быстров объяснился с Мариной и теперь их ничего не связывает. Когда же их прогулки приобрели откровенный романтический оттенок, Ира сказала себе, что Ежова сама виновата, надо понимать, что все не вечно. Вот так и получалось, что ни дня не проходило без Марины Ежовой. Она присутствовала незримо, то ли укором, то ли предостережением.

Наступил август. Лето выдалось жарким, в воздухе пахло то ли сухой листвой, то ли дымом. Ира и Быстров продолжали встречаться. Даже Людмила Михайловна обеспокоилась:

– Саша приятный парень. И в школе был на хорошем счету. И все знают, что он спортсмен. Но, Ира, рано вам, рано...

– Мама! – Кузнецова зарделась. – Ты о чем?

– О том же. Вот где, скажи, Марина Ежова?

– Ты же сама говорила, в этом возрасте вечных отношений не бывает.

– Я не так сказала. Я сказала, что их никто не обещает. Но я не говорила, что самой себе надо яму копать. Ира, пусть он разберется с Мариной. Ты же понимаешь, что...

– Ты что-то знаешь? – вдруг заподозрила Ира.

Людмила Михайловна замялась:

– Я встретила ее маму. А та видела вас.

– И что?! Они больше не встречаются. Мало ли что говорит мама Марины и сама Ежова.

Если один человек больше не хочет встречаться?! Что делать?

Людмила Михайловна промолчала. Только уже когда Ира лежала в постели, она сказала:

– У тебя так много всего впереди. Подумай об этом.

Кузнецова уткнулась в подушку и заплакала:

– Мама, я в него еще в шестом классе влюбилась!

Людмила вздохнула и погладила дочь по голове.

На следующий день Быстров и Ира, как обычно, встретились в центре и так же не спеша пошли блуждать. Они кружили по улицам, стараясь уйти как можно дальше от возможных встреч. И почему бы им не встречаться сразу в каком-нибудь укромном месте? Но нет, Кузнецовой казалось, если они это станут делать на глазах у людей, то встречи не будут иметь неприличный смысл. «Мы не делаем ничего плохого, мы даже не скрываемся...» – обманывала себя Кузнецова. Любовь эгоистична. Истина не нова, но каждый постигает ее, выступая либо причиной чужих страданий, либо жертвой в простой фигуре треугольника.

Ира Кузнецова опять влюбилась в Быстрова. Вернее, ей казалось, что она всегда любила Сашу. И тогда, в шестом классе, когда привязанности имеют наивный и немного смешной вид. И когда, к удивлению всех, Быстров стал постоянным спутником Марины Ежовой, она его тоже любила. Во всяком случае, ей сейчас так казалось. «Но я любила его молча, боясь показаться смешной и жалкой», – думала Кузнецова. В ее голове выстраивалась очень удобная для нее схема. Марина Ежова и эти ее с Быстровым отношения – детство и ребячество. Важно то, что происходит сейчас! Настоящее время – это реальность, с которой должны считаться все остальные. Кузнецова не была наивной дурочкой и старалась всегда поступать правильно. Но любовь смешала карты и расставила приоритеты по-своему. И постоянная оглядка на несчастливую теперь Марину Ежову сочеталась с яростным желанием завоевать Быстрова.

Но в этом не было необходимости. Быстров совершенно не скрывал того, что Ира ему нравится. Сначала он еще как-то камуфлировал это и даже иногда заговаривал о Ежовой. Дескать, он понимает, что «отношения зашли в тупик, но как сказать Марине...». Потом он перестал о ней вспоминать. Был занят Ирой.

Саша Быстров привык к вниманию. Взрослые удивлялись, какой он интересный и ловкий ребенок, мальчишки всегда выбирали его своим предводителем и позволяли верховодить, девочки строили ему глазки и тихо влюблялись. Понятно, в детстве это носило безобидный, озорной характер, а в четырнадцать лет превращалось в дружбу-влюбленность. Никто никогда

не понимал, почему самый красивый и успешный мальчик обратил внимание на бесцветную, полноватую и очень тихую девочку. Марина Ежова всегда была на обочине школьной жизни. Но, что удивительно, внимание Быстрова она восприняла как должное. Без глупых ужимок, сплетен и зазнайства. В седьмом классе она повела себя так, как иные взрослые девушки не ведут. Школа сплетничала и потирала руки в предвкушении «трагедии расставания». Но его не произошло. В конце девятого класса школьники стали любовниками. Внешне все оставалось таким же невинным – встреча на перекрестке, вместе в школу и из школы, выходные тоже вдвоем. А если Быстров уезжал на сборы, Марина писала ему письма. Одно из них обнаружил отец Быстрова и устроил выволочку сыну. «Тебя посадят, она несовершеннолетняя!» – кричал. «Я тоже», – спокойно заметил сын. Что происходило в семье Марины, никто не знал. Ежова всегда была сдержанна и спокойна. В учительской школы этот роман вслух старались не обсуждать. Озвучить проблему означало признать ее. Тогда пришлось бы как-то реагировать. А как? Никто не знал. Не беседы же о возможных последствиях проводить? Поэтому все делали вид, что ничего не происходит. Школа вздохнула с облегчением, когда Быстров и Ежова станцевали вальс на выпускном. К облегчению примешивалось любопытство – а что же будет дальше?

А дальше случилось неожиданное. Саша Быстров на одном из уроков оглянулся назад, встретился взглядом с Ирой и обнаружил, что она превратилась в красавицу. «Как я ее не замечал?!» – с недоумением спросил себя Быстров, и Марина Ежова отошла на второй план. Наверное, они расстались бы незамедлительно, если бы не удивительная способность Марины не замечать очевидное и неприятное. А уж коли заметила, то постараться не реагировать. Поэтому, прекрасно зная о прогулках Быстрова, она делала вид, будто ничего не изменилось.

Как часто это бывает, Саша сначала порывался решить проблему одним махом. «Я с ней встречусь и скажу, что больше мы встречаться не будем!» – думал он, но ничего не предпринимал. Сказать правду, глядя на безмятежное красивое лицо Ежовой, смелости не хватало. Марина была так же приветлива, ласкова, заботлива. Потом Быстров стал ставить себе сроки. «Сразу после вступительных экзаменов все ей скажу!» – решал он. Но прошли вступительные, лето двигалось к концу, а Быстров по-прежнему проводил вечера с Ирой, Марина же ждала, вопросов не задавала, делала вид, что все по-прежнему. В конце концов малодушный Быстров себе сказал: «Ну что, она сама не догадается? Взрослая же! Не ребенок!» На этом он и успокоился и никаких угрызений совести и душевного неудобства больше не испытывал. Его теперь волновала только Ира Кузнецова. Он радовался, что она никуда не уезжает, остается в их городе, поэтому можно будет видеться. «Понятно, я буду уезжать на сборы, но возвращаться-то буду сюда. Она станет меня ждать», – планировал он, но тревога присутствовала. Быстров не был уверен, что Кузнецовой он нравится: «Она красивая. Очень красивая. На улице обращают внимание». Эта неуверенность породила активность. Быстров, зная, что наступит сентябрь и он уедет, удвоил усилия. Теперь он приходил на свидания с букетами цветов, они не скрывались больше, а частенько сидели в кафе в самом центре города. О том, что они встречаются, теперь знали все. Родители Иры очень переживали. Быстров им нравился, но они не хотели раннего брака для дочери и в уме держали Марину Ежову. «Мама, это же очень глупо! Наверняка до тебя у папы был кто-то еще. Это же у всех так бывает!» – как-то сказала Ира. Людмила Михайловна только вздохнула. Она не могла толком объяснить, почему так тревожится из-за этих отношений с Быстровым. Она видела, что дочь влюблена по-настоящему, как взрослая женщина.

А Ира была счастлива. Этим летом в ее жизни все складывалось максимально благоприятно. Она прекрасно окончила школу, поступила в институт, в нее влюбился красивый и талантливый Быстров. Еще полгода назад она и вообразить такое не могла. Ира была так счастлива, что позволила себе мечтать. «Замуж за Быстрова? Да! И что бы там мне ни говорили!» – эта мысль не покидала ее.

В конце августа родители Иры уехали в деревню. Когда-то там был дом каких-то дальних родственников. Теперь вместо него стояла большая хозяйственная постройка – в ней можно было переночевать летом. Еще там имелся огород, малинник и пяток низкорослых яблонь. Родители туда уезжали собрать урожай и просто немного отдохнуть. Когда Ира была поменьше, ее брали с собой. Теперь она ехать туда отказывалась. «Что там делать? Помочь – помогу. Но один только день. Потом в город вернусь!» – говорила она родителям. На этот раз она отказалась ехать совсем.

– Не хочу, мам! У меня скоро начинаются занятия. Скоро вообще никуда не смогу вырваться. Я хочу остаться в городе.

– Я даже знаю почему, – проворчала Людмила Михайловна.

– И почему же? – с вызовом спросила Ира. Намек она поняла, и он был ей неприятен – мать была недалеко от истины.

– Ира, ты все сама понимаешь. Я тебе сейчас только советы могу давать.

– Мама, я вполне взрослый человек, – сказала Кузнецова.

– Ты только вчера окончила школу, – напомнила ей мать.

– А через год ты скажешь, что я школу окончила только год назад. Мам...

– Хорошо, оставайся. – Людмила Михайловна вздохнула.

Родители уехали в пятницу в шесть вечера. В семь вечера Ира позвонила Быстрову.

– Саша, приезжай ко мне.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросил Быстров.

– Ничего. Только я свободна целых два дня, – рассмеялась Ира. Она хотела было сказать, что квартира свободна целых два дня, но постеснялась, это прозвучало бы уж слишком откровенно.

– А... да... – Быстров даже дар речи потерял.

– Кстати, купи по дороге хлеб. И яблоки... – попросила как ни в чем не бывало Кузнецова.

– Да, конечно! А может, что-нибудь еще? – с готовностью отозвался Быстров.

– Да нет, все есть, – ответила Кузнецова и повесила трубку. «О господи, главное, чтобы теперь ничего не случилось! – подумала она. – Не вернулись родители, не торчали в окне соседки, и Быстров не заблудился!» Ира первым делом помчалась в душ, потом она красила глаза, выбирала домашнюю, но при этом стильную одежду. Соблазнительного домашнего наряда она не нашла и в результате встречала Быстрова в коротких джинсовых шортиках и клетчатой рубашке. Еще Ира быстро навела на кухне порядок. Постелила на стол скатерть, поставила тарелки, положила приборы. Меню на этот случай она придумала давно – омлет по ее собственному рецепту и салат из огурцов и зелени. «Потом чай или кофе. И конфеты». – Ира удовлетворенно оглядела кухню. Все было нарядно, аппетитно, уютно. Еще у нее были приготовлены бокалы, а вино у родителей всегда стояло в шкафу. «Я ему предложу, если не откажется, можно выпить по бокалу!» – решила она. Когда все было готово, Кузнецова прошла по квартире. От волнения у нее даже руки холодными стали. Она была уверена, что очень скоро они окажутся наедине, и ей надо будет решиться на шаг, который Марина Ежова сделала еще в девятом классе. «Господи, опять эта Ежова! – разозлилась про себя Ира. – Нет спасу никакого!»

Она еще покружила по квартире, снова заглянула на кухню, поправила зачем-то салфетки на столе, потом решила полить цветы на балконе, но в этот момент раздался звонок в дверь.

Кузнецова замерла, услышала собственное сердце. «Если это случится, то пусть произойдет здесь, в моей комнате, на моем диване. А не где попало!» – подумала она и тут же мысленно назвала себя душой. В это время в дверь позвонили еще раз. Ира кинулась открывать.

– Привет, – на пороге стоял Быстров с полными пакетами. Из одного выглядывал длинный хвост зеленого лука.

– Это что? – оторопела Ира.

– Ты же сказала зайти в магазин.

– Да, но...

– Слушай, я ничего особенного не купил.

– Деньги... Неудобно. Я тебе отдам. У меня как раз есть. Ты же знаешь, у меня есть своя страница...

Про интернет-страницу Кузнецовой знали многие. Там она с некоторых пор писала о том, как можно решить всякие бытовые и коммунальные проблемы. Разыскивала всякие постановления и объясняла, как и куда писать жалобы. Казалось бы, нехитрое дело, но страничка очень быстро стала популярной, и рекламодатели потихоньку стали там размещать свои материалы. Денежки от этого Ира тратила на всякую девичью ерунду.

– Я знаю. Но я тоже не сию на шее у родителей, – заметил Быстров.

– Я в курсе, – кивнула Ира.

– Так куда сумки-то? – Быстров потряс пакетами.

– Давай на кухню. Разбирать будем.

Они прошли на кухню Быстров огляделся:

– Здорово у вас. И скатерть такая... У нас почему-то клеенка лежит на столе.

– Скатерть уютнее. И красиво. А стирает все равно машинка, – улыбнулась Ира.

Кухня в квартире Кузнецовых была маленькая, и впервые в жизни Ира порадовалась этому обстоятельству. Они стояли у стола, почти касаясь друг друга. Казалось, это мгновение промелькнет – и они начнут странную хозяйственную деятельность. Из пакета появятся лук и яблоки с красными боками... Но Быстров повернулся к Ире и обнял ее. Потом поцеловал. Не так, как это он делал раньше, на улице – легко, мельком, немного небрежно, почти по-родственному. Нет, он сейчас целовал ее долго, сделав больно губам. Но Ира не отстранилась. Она обняла его и постаралась ответить. Потом почувствовала, как его руки поднимают ее рубашку. «Надо расстегнуть...» – пробормотала она, но Быстров справился и с рубашкой. Когда он целовал ее плечи и грудь, она уже почти ничего не соображала. Только гладила его волосы и вдыхала запах... свежего зеленого лука, который лежал рядом на столе и который никто и не думал доставать из пакета. Как они добрались до ее комнаты, как оказались на ее диване – Ира хорошо помнила. Она словно фотографировала каждое движение. Только вот, когда лицо Быстрова оказалось над ее лицом, когда она не смогла пошевелиться под тяжестью его тела, тогда она закрыла глаза...

– Я себе представила, что сейчас вернутся родители, – проговорила Кузнецова. Ее голова лежала на плече Быстрова.

– Да, будет сцена. Но, если это случится, может, оно и к лучшему... – проговорил тот.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что рано или поздно они обо всем узнают. Так вот лучше, когда рано.

– Да, не чувствуешь себя виноватой. И не боишься, что узнают.

Быстров промолчал. Потом он обнял Иру и спросил:

– Ты такая красивая. И ты ни с кем не встречалась?

– Вообще-то я училась И к экзаменам готовилась. Некогда было.

Именно сейчас Ире захотелось задать ему вопрос о Марине Ежовой. Но это было страшно сделать после того, что сейчас случилось. Ира обвела взглядом свою комнату и подумала, что ее самостоятельная жизнь начинается совсем неплохо. Она – студентка, у нее отношения с красивым парнем, он стал ее любовником. «Ну, что ж... я совершенно счастлива. Я люблю, меня любят...» Ира даже рассмеялась.

– Что это ты? – подозрительно спросил Быстров.

– Ничего. Это я про себя. Мне ужасно хорошо. Понимаешь, как будто кто-то подслушал меня – все, как я мечтала.

– Ты и обо мне мечтала? – улыбнулся Быстров.

– С ума сошел! Я мечтала, что ты зеленый лук принесешь, – рассмеялась она.

– Кстати, – невозмутимо произнес Быстров, – там, кроме лука и прочей ерунды, еще и мороженое было.

– Так оно уже не мороженое! – воскликнула Ира.

– О чем и речь.

Эти два дня они провели прекрасно. Из дома они не вышли ни разу. Зато вместе готовили ужин, выпили немного вина, заморозили растаявшее мороженое и сделали из него молочной коктейль. Они спали, разговаривали, занимались любовью, Кузнецова показывала свои фотографии, потом Быстров рассказывал о соревнованиях. Они пили чай, сидели на кухне и смотрели, как жаркая летняя ночь сменяется свежим утром. Ира была счастлива, Быстров – тоже. Во всяком случае, он сам так сказал. В воскресенье в три часа дня Ира выразительно посмотрела на часы и вздохнула.

– Пора.

– Расходиться?

– Да.

– А давай мы тут все приберем и пойдем гулять. Свежий воздух полезен для организма. А мы с тобой сутки не выходили на свет, – сказал Быстров

– А давай! – согласилась Ира.

Они быстро навели порядок в и без того чистой квартире и отправились гулять.

Им везло в эти выходные – соседок они не встретили, знакомых – тоже. Город вообще был пустым – близился новый учебный год, и все отправились в короткие отпуска. Быстров и Кузнецова гуляли, пока ноги не стали гудеть. Они теперь не болтали без остановки, боясь, что пауза может их разлучить, они могли теперь молчать. И это молчание было любовное, интимное, сокровенное.

– Мне надо быть дома не поздно. Чтобы родители не волновались, – сказала Ира.

Быстров расстроился и проводил ее до дома.

В квартире пахло яблоками, укропом и смородиновым листом.

– Молодец какая, – похвалила ее мать, – в доме порядок, еды наготовлено. А ты гуляла?

– Да, немного. С Быстровым. – Полуправда иногда прекрасный выход из положения.

– Ты Сашу своего, Быстрова, как-нибудь пригласи к нам, – предложила Людмила Михайловна, – а то вы все ходите по улицам...

– Обязательно, – сказала Ира и покраснела, – только, по-моему, у него сборы скоро.

В понедельник Ире позвонили из института и попросили срочно зайти в деканат – там не могли найти копию какого-то документа. Кузнецова помчалась в институт. В деканате она пробыла часа три – сделали копию, потребовалась подпись, нужного сотрудника не было, она его дождалась, появились вопросы. Наконец все было улажено, но Ира встретила тех, с кем сдавала вступительные. Поболтали, посмотрели аудитории, расписание, обсудили новости, посплетничали о преподавателях, познакомились с ребятами из другой группы. Домой Кузнецова собралась только в четыре часа дня. Она вышла из здания института в прекрасном настроении и только теперь вспомнила, что Саша Быстров еще ни разу сегодня не позвонил. «Да у меня телефон, наверное, выключен. Или звук!» – охнула она и полезла в сумку. Телефон работал, звук был на максимуме. Ира посмотрела – не было ни одного входящего звонка. «Так, сеть «упала»! – догадалась она. – Не может быть, чтобы ни мама, ни отец не позвонили ни разу. И уж тем более Саша. После...» При воспоминании о том, что было вчера у них с Быстровым, Ира даже покраснела. «Господи, как же я его люблю!» – подумала она и перезагрузила

телефон. Аппарат погас, потом опять заиграл красками. Но ни одного сообщения о том, что ей кто-то звонил, по-прежнему не было. Тогда Ира набрала телефон матери:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.